

АНДРЕЙ
ЕРПЫЛЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ИМПЕРСКИЙ РУБЕЖ

Имперский рубеж

Андрей Ерпылев

Имперский рубеж

«Автор»

2009

Ерпылев А. Ю.

Имперский рубеж / А. Ю. Ерпылев — «Автор»,
2009 — (Имперский рубеж)

В этой России не было большевиков и Великой Отечественной, не было перестройки и краха экономики. Однако на рубеже тысячелетий эта Российская империя тоже вела войну в горах Афганистана – странную, неясную по своим целям, кровопролитную и бесконечную. На этой войне также умирали русские офицеры и умелые солдаты, хорошие товарищи, балагуры и романтики. Туда, на имперский рубеж России, по своей воле оставив блистательный Санкт-Петербург, переводится из Гвардии поручик Александр Бежецкий. Ему предстоит оказаться в самом водовороте событий, порожденных Большой игрой могучих империалистических держав.

© Ерпылев А. Ю., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
1	9
2	19
3	29
4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Ерпылев

Имперский рубеж

Пролог

Пуля громко щелкнула по валуну, осыпав Александра колючей каменной крошкой, и с хриплым жужжанием ушла куда-то вверх. Только после этого донесся гулкий винтовочный выстрел. Дремоту как рукой сняло.

«Бур»? – подумал Бежецкий, смахивая с приклада автомата бритвенно-острые осколки. – Нет, по звуку не походит. Скорее всего, трехлинейка снайперская. Может, даже наша...»

– Зашевелились голубчики, – проворчал Таманцев, невидимый Александру. – Даже часок вздремнуть не дали...

– А тебе бы только дрыхнуть, – раздалось с позиции, устроенной чуть дальше. – Не бойсь: если наши не прилетят – надремлешься вдоволь. С дыркой в башке.

– Отставить, – подал голос капитан Михайлов из своего «блиндажа»: даже раненный, он не переставал следить за дисциплиной своего разношерстного воинства. – Запрещаю паникерские разговоры.

«Да какое уж тут паникерство... – Бежецкий ногтем выковырнул из паза ствольной коробки каверзную каменную крошку и щелчком отправил ее в пропасть. – Не паникерство это, а констатация факта. Грустного, надо сказать, факта...»

Положение, в котором оказался отряд, как говорится, было хуже архиерейского.

От экспедиционной команды и экипажей обоих вертолетов уцелело всего двенадцать человек, две трети из которых – ранены. А из офицеров на ногах оставался лишь он – поручик Бежецкий. Капитан Михайлов способен лишь на пассивное руководство – травма позвоночника при неудачном десантировании из падающей машины практически полностью лишила его подвижности, поручик Ямщиков погиб при крушении вертолета, а прапорщик Ламберт – без сознания. И вряд ли в него возвратится без квалифицированной медицинской помощи, до которой сейчас так же близко, как до обратной стороны Луны.

– Как там с рацией, поручик?

Промолчать на поставленный вполне конкретно вопрос было невозможно, и Александр нехотя ответил:

– Вольноопределяющийся Голотько пытается что-нибудь сделать.

– Сразу же, как только получится наладить связь, сообщите мне, Александр Павлович.

– Так точно, господин капитан.

Саша не хотел разубеждать несчастного офицера, остававшегося в плену радужных иллюзий. А как иначе может быть после ударной дозы обезболивающего, когда, по словам бывалых людей, мыслить критически человек просто не способен? Реальность, данная нам в ощущениях, густо перемешанная с игрой воображения, – вот что такое сознание человека, одурманенного двойной дозой селкапина...

На самом деле вольноопределяющийся Голотько сейчас просто ковырялся, на дилетантский взгляд поручика, уцелевшей левой рукой в том месиве горелой пластмассы, ярких деталей и проводов, которое осталось от полевой радиостанции, снятой Таманцевым со спины радиста Прошкина, прошитого навылет из крупнокалиберного пулемета. Чертовы туземцы: если бы не они – все какая-то надежда оставалась бы. Например, ночью подобраться к разбитой машине, свинтить и притащить бортовую рацию сюда, на высотку, вызвать подмогу... И долгие часы до темноты жить этой надеждой. Теперь же этой спасительной ниточки, связывающей с Кабулом, читай – с далекой и могучей родиной, не было и в помине – сгорела она вме-

сте с подожженным трассерами «бортом». И самое мерзкое, что, возможно, лишь ослепший Михайлов и «тяжелые», которым было совсем не до переживаний и раздумий, оставались в отношении данного факта в счастливом неведении.

– Что там, Голотько? – для очистки совести и успокоения капитана, окликнул Бежецкий «радиста». – Получится наладить связь?

– Связь? – ошалело вылупил на командира белесые, как у мороженого судака, глаза бывший студент. – Какую еще?.. – начал он, но осекся, поскольку поручик, молча погрозил ему кулаком. – Что смогу – сделаю. Но нужно время.

Отвернувшись от Бежецкого, он неуклюже подгрел поближе култей правой руки, обмотанной густо пропитанными кровью бинтами, груди покореженных печатных плат и углубился в свое занятие, бормоча что-то неразборчивое под нос.

– Обещает в скором времени, – бодро доложил капитану Александр, предпочитая лучше быть «испорченным телефоном», чем омрачить, может быть, последние часы бравого пехотинца.

– Добро... Не забудьте, поручик, внести вольноопределяющегося в списки на награждение... – пробормотал Михайлов уже без стержня в голосе. – Я подпишу... И распорядитесь насчет обеда...

«Совсем плох, заговаривается...»

А награду Голотько уже заслужил. С правой рукой, перебитой в запястье осколком, он, не обращая внимания на хлещущую кровь, прикрывал огнем товарищей, пока бачи не откатились за скалы, и только после этого позволил себя перевязать. А уж каким образом он одной рукой, при минимуме инструментов (да, почитай, вообще без инструментов) смог разобрать расколотую пулями рацию – одному богу известно. Самородок, одним словом. Обычный русский самородок, на которых держится Империя.

Еще одна пуля клюнула камень и отскочила прямо под ноги Александру. Он поднял сплюснутую, еще обжигающую пальцы медяшку, брезгливо повертел и откинул в сторону. Никчемный мусор войны...

Подумать только: а ведь еще совсем недавно он, восторженный и наивный юнец, носился с подобным барахлом, как известно кто с писаной торбой! Затеял даже, теленок, коллекцию собирать из таких вот шуток... Как быстро на войне рассыпаются в прах иллюзии. Значение имеет только одно из двух: пролетела данная пуля мимо или попала в цель. Все. Никакой иной ценности она в себе не заключает...

Выстрелы отсюда, сверху, звучали совсем нестрашно, будто щелчки пастушьего кнута или нестройная дробь барабана в руках барабанщика-неумехи. Да и трудно попасть куда-либо снизу вверх, не имея верного прицела. Так – развлекаются дикари, не испытывая, видно, недостатка в боеприпасах, заодно демонстрируя осажденным, как раз вынужденным патроны экономить, свои кровожадные намерения. Не испугать, так хоть навеять тоску.

А тоске было с чего навеяться. Патронов к полутора десяткам автоматов оставалось всего ничего – по полтора магазина на ствол, не более. К тому же три из этих стволов имели иной калибр, чем стандартные армейские «три линии»¹. Вот и не верь после этого в прозорливость командиров, строго запрещающих ношение трофейного оружия. Где сейчас добыть патроны под английский девятимиллиметровый «стен-хофпул» и две итальянские «беретты» с их 5,45 мм? И их «наличный» запас тоже к общему арсеналу не присовокупишь – восемь патронов в магазине «англичанина» и двадцать три «беретки». С гранатами вообще туго – семь штук. Есть, правда, полная сумка выстрелов к гранатомету, но где сам этот гранатомет? На головы засевшим в ущелье туземцам разве что попробовать сбрасывать. Авось парочка работает...

¹ *Линия* – устаревшая мера длины, равная 1/10 дюйма, или 2,54 мм. Калибр в три линии, таким образом, равнялся 7,62 мм.

Отдельный вопрос – вода, продовольствие и медикаменты. И если со вторым и третьим еще можно было как-то повременить, то без первого – не обойтись. Первыми жажда убьет раненых – и так все уцелевшие запасы переданы в импровизированный госпиталь – потом доберется и до остальных. Перспектива радужная – ничего не скажешь.

«А вот не дождетесь! – зло подумал Бежецкий, облизав сухие губы. – Расстреляем патроны, примкнем штыки и... Все лучше, чем попасть в руки дикарям одуревшими от жажды полускотами...»

Но это – на крайний случай. Потому что раненые при таком раскладе обречены: где это видано – идти в штыковую с беспомощным товарищем за плечами. Значит, ждать, надеяться и верить. Беречь силы и патроны, готовясь к самому худшему...

Где-то за камнями раздался болезненный стон, сменившийся яростным матом.

– Что там? – крикнул Александр.

– Ярцева зацепило, – донесся ответ. – Рикошетом, мать его!..

– Seriously?

– Бог знает... Без сознания он.

Александр плюнул и пополз на голос, волоча автомат прикладом по камням. Еще находясь в трезвом уме, капитан Михайлов приказал изъять из аптечек у всех солдат шприц-тюбики с обезболивающим и хранить при себе. Предосторожность нелишняя: перед лицом смерти любой способ взбодриться кажется иным слабым духом персонам подходящим. Так что он, поручик Бежецкий, теперь был един в двух лицах – отец-командир и ангел-хранитель.

Стальной затыльник приклада гремел по щебенке, и Саша усмехнулся про себя, вспомнив, как трепетно он относился поначалу к оружию, берег и лелеял его. Теперь это уже третий его автомат здесь и бог даст – не последний. Железный друг, конечно, дорог во всех отношениях, но... Он все-таки железный.

Рядовой Худайбердыев осторожно обматывал бинтом руку бледного как смерть вахмистра Ярцева, беспомощно глядя, как кровь, пропитавшая уже весь рукав до самого плеча, сочится сквозь повязку.

– Кто так делает, орясина! – напустился на него поручик, отбирая моток бинта и отталкивая от раненого. – Руку надо перетянуть сначала! Кровь остановить...

– Остановишь тут, – буркнул фельдфебель Корнеев, безучастно наблюдавший за потугами бедного солдата. – Плечо вспорола, зараза, да жилу перебила... Высоко очень – не наложить жгут. Я такие раны знаю. В госпиталь ему надо.

– Где я тебе возьму госпиталь?

– Тогда Илюхе кранты, – лаконично подвел черту фельдфебель и отвернулся.

– Оставьте... – простонал солдат, приоткрывая глаза, кажущиеся черными на восковом лице, покрытом пятнами запекающейся на глазах крови. – Дайте помереть спокойно...

– Ты это брось!.. Будешь плясать еще, – попытался успокоить его Бежецкий, но солдат только криво улыбнулся синеватыми губами.

– Нет, вашбродь... Отплясался я...

Камни под ним были черными и скользкими от крови. Худайбердыев, по щекам которого струились слезы, забыв про субординацию, отпихнул плечом офицера и принялся зажимать ладонями кровавой родничок, упрямо находящий дорогу сквозь пальцы.

– Ты бы это, поручик... – глядя в сторону, пробормотал фельдфебель. – Вколол бы ему заразы этой, а? Чтобы не мучился парень. Сколько ему осталось-то? Ерунда. Так пусть хоть смерть как подобает христианину примет, а не скрипит зубами.

Александр помедлил, выгреб из кармана пригоршню оранжевых пластиковых стерженьков и положил два из них на камень. А сам пополз назад. Больше ему тут делать было нечего.

До его позиции оставалось метров десять, когда впереди вспух зеленовато-белый столб дыма, барабанные перепонки рвануло, а какая-то неведомая сила, бережно приподняв, опу-

стила обалдевшего офицера на каменное крошево. Носоглотка заполнилась кисло-сладкой металлической дрянью, глаза защипало.

– Мины!!! – заполошно заорал кто-то. – Ложись! Мины!..

А разрыв следовал за разрывом, не давая дыму сгоревшей взрывчатки рассеяться и густо шпигуя все пространство вокруг яростно воющими и визжащими осколками.

Вжавшись лицом в колючий щебень и стараясь втиснуться в него поглубже, стать меньше, незаметнее, Саша твердил про себя одно:

«А если бы я не пополз к раненому?... А если бы я не пополз к раненому?... А если бы я...»

А земля тряслась под ним, будто от ударов исполинского молота, и смерть и ад царили вокруг...

Часть первая Зеленый росток

*Когда под утренней росой дрожит тюльпан
И низко, до земли, фиалка клонит стан,
Любуюсь розой я: как тихо подбирает
Бутон свою полу, дремотой сладкой пьян.*
Омар Хайям²

1

аше здоровье, корнет!

– Ваше здоровье, поручик!

– И все-таки это свинство, господа, что из всей нашей компании в гвардию определены лишь двое.

– Что же ты хотел, Сальский, – гвардия не резиновая.

– И все равно... Давайте выпьем, господа, за наших счастливчиков. За тебя, Саша! За тебя, Володя!

– Я не могу, господа! Право, я сейчас зарыдаю!

– Ты всегда был плаксой, Тальберг. На, возьми мой платок... Чувствителен, как и все немцы.

– Погоди рыдать, Карлуша. И вы, господа, тоже погодите с поздравлениями. Почему все мы с Володькой да мы? А вы? Вы ведь все уже поручики, а мы с Бекбулатовым – всего лишь корнеты...

Стены «Купца», отдельный зал которого юные офицеры, только что получившие новенькие, с иголки, золотые погоны, снимали для своего торжества, вздрогнули от взрыва смеха.

– Это ты хватил, Саша, – вытирал кружевным платочком слезы, обильно струящиеся по розовым, как у девушки, щекам свежее испеченный поручик Третьего Нижегородского драгунского полка Карл фон Тальберг. – Мы все поручики, но поручики армейские, а вот вы с князем – корнеты гвардии! О, как бы я хотел поменяться с вами местами!..

Порядком уже захмелевшие выпускники Николаевского кавалерийского училища чествовали двух своих однокашников, удостоенных высокой чести среди других отличников учебы быть произведенными в гвардейскую кавалерию. Саша Бежецкий – в лейб-гвардии уланский Ее Величества полк, а его неразлучный друг-товарищ Володя Бекбулатов – в Гродненский гусарский. По старой традиции списки хранились в строжайшей тайне и были обнародованы лишь вчера утром, во время торжественного построения во дворе училища. Что ни говори, а попасть в число десяти счастливчиков было дано не каждому.

– И все равно, Сашке повезло больше! – Бекбулатов вскочил на ноги и, расплескивая шампанское из хрустального фужера, потянулся к Бежецкому. – Давайте, господа, выпьем за лучшего из лучших среди нас!

– Прекрати, – слабо сопротивлялся тот. – Ты ведь тоже в гвардии.

– Э-э-э, гвардия... Варшава не Санкт-Петербург, Саша. Давайте, господа, выпьем за будущего генерала Бежецкого, дабы, вознесясь на вершины, не забывал про старых друзей.

– Почему же не за фельдмаршала?

² Перевод И. Голубева.

– Тогда уж за генералиссимуса!

Шампанское лилось рекой, тосты провозглашались один громче другого, пьяный вдрызг фон Тальберг рыдал на плече Бежецкого, вытирая слезы кружевной салфеткой вместо потерянного где-то платочка, сияющий Бекбулатов в расстегнутом на груди мундире (уже торопыга успел обзавестись гусарским!) требовал всеобщего внимания, колотя серебряной ложкой по пустому графину... Всеобщее веселье прекратил суровый пехотный полковник, предложивший разгулявшейся молодежи либо шуметь потише и не мешать приличным людям отдыхать после трудов праведных, либо перебираться куда-нибудь в иное место.

Выразился он гораздо резче, понизив при этом голос и оглянувшись через полуприкрытую дверь в Большой зал, но спорить с седым ветераном никто не стал. Тем более что и срок аренды помещения подходил к концу – «Купец», как известно, заведение не из дешевых, а чересчур толстыми бумажниками вчерашние кадеты похвастаться не могли. Пустить пыль в глаза – одно дело, а кланчить у родителей, будто сопливые гимназисты, – увольте. Береги честь смолоду – эту прописную истину они усвоили с детства.

– Эх, почему я не сахарозаводчик, как дражайший мой дядюшка! – шутиливо вздыхал Игорь Сальский, выводя под ручку, дабы не опозорился на глазах десятков посетителей «Купца», совсем расклеившегося князя Гогелидзе. – Митрошка, мой кузен, наверняка мог бы арендовать эту забегаловку на всю ночь. Да не только стол, а с музыкой, с певичками...

– Его степенство соскучились по канкану на столе! – хохотал Бекбулатов, «с мясом» отдирая от плеча Александра клещом впившегося в него фон Тальберга, чтобы усадить в поджидавшее авто. – Оставьте, барон, нашего лейб-гвардейца, в конце концов! Саша! Куда ты смотришь? Он тебе весь погон обры... да не обрыгал, Спасович, фу, какой моветон! Обрыдал! И дайте кто-нибудь барону сухой платок... Что, ни у кого нет с собой платка? Шантрапа... Смотри, Бежецкий: и эти босяки хотели поменаться местами с нами – блистательными гвардейцами! А у самих нет даже носового платка!

– Зачем армейцу носовой платок? – басил могучий Ардабьев, отныне – поручик какого-то номерного полка в Екатеринбургском наместничестве. – Мы, сапоги, как известно, в портянку сморкаемся... А вообще-то был у меня платок, только Карлушка его куда-то зарыдал.

– И мой... И мой... – раздалось сразу с двух сторон.

– Вы выбрали совсем не те войска, барон, – оторвал наконец от Бежецкого фон Тальберга Володька. – Право, вам, сударь, приличнее было бы идти в морские офицеры. При вашей склонности разводить сырость – самое то место.

– Что делать, что делать, мой друг, – ничуть не обиделся драгун. – Мы, немцы, так сентиментальны... А вообще, господа, – ни к селу ни к городу ляпнул он, – женщин действительно не хватает. И цыган.

– Фон Тальберг! Ты наговариваешь на себя. Какой же ты немец, если тебя, выпимши, тянет к цыганам? Сашка в сто раз больше похож на немца. Граф, вас ведь не тянет к цыганам?

– Цыгане! – подскочил на заднем сиденье автомобиля задремавший было князь Гогелидзе. – Господа, а ведь это мысль! Поедьте к цыганам, господа!

– Вас иногда посещают дельные мысли, князь, – похвалил снова уронившего могучий кавказский нос приятеля Бекбулатов. – Действительно, а не закатиться ли нам к цыганам?

– Вы мимоходом выиграли в рулетку, князь? – поинтересовался Сальский, картинно облокотившись на дверцу авто. – То-то, я смотрю, вы частенько отлучались из-за стола.

– Что ты, Игорь! Играть мне матушка запрещает. Но...

Владимир сорвал фуражку и швырнул в нее скомканную купюру.

– Эх, пропадай сабля на заказ! Обойдусь казенной первое время. Раскошеливайтесь, господа!

Фуражка пошла по рукам, наполняясь банкнотами разных достоинств.

– Я не могу, господа! – швырнул в общий котел золотой империял успокоившийся было фон Тальберг. – Рыдания жгут мне грудь! Как мне горько расставаться с вами!

– Дайте платок барону...

– Какой, черт возьми, платок? Салфетку и ту половой на выходе отобрал!

– Пусть рыдает в ваш мундир.

– Бежецкий, подставьте плаксе правое плечо – у вас там погон сухой. Это будет по-христиански...

– Возьмите, сударь, – серебряным колокольчиком прозвенел над ухом Александра ангельский голос. – Он чистый, возьмите же...

Александр обернулся и обмер: позади него стояла девушка такой красоты, какой просто не может быть у существа из плоти и крови. И это небесное создание ручкой, затянутой в полупрозрачную кружевную перчатку, протягивало ему невесомый платочек. На какой-то миг пальцы молодых людей соприкоснулись и...

– Очнись, Саша! – Бекбулатов похлопал по плечу друга, неотрывно глядевшего вслед отъезжающему «Руссо-Балту». – Эта птичка не для нашего курятника. Скрепи сердце и вернись на грешную землю.

– Я ее знаю, – пробасил могучий Ардабьев. – Это дочь товарища железнодорожного министра Головнина. Настенька. Пардон, Анастасия Александровна.

– Только не говорите, мон шер, что вас с ней что-то связывает! – подколот великана Бекбулатов, деликатно подергал намертво зажатую в руке друга кружевную тряпицу и, поняв, что извлечь ее невозможно, отступился. – Я готов поверить во все, что угодно, вплоть до вашего родства с королем Швеции... А что такого, господа? Викинги легко добирались до родины нашего Гаргантюа!³ Но в такую невероятную возможность...

– Совсе нет, господа, – засмутился силач. – Просто одно лето папенька снимал дачу под Гельсингфорсом неподалеку от их дачи и...

– Так ты, Леонид, своими глазами видел сию нимфу загорающей? Или даже купающейся? Не томи, расскажи, как она! Мы все внимание! Право же, господа, давайте попросим!

– Нам было по десять лет, балбес, – надулся простодушный Ардабьев.

– А это ничего не меняет! На Востоке в этом возрасте девушка уже может выйти замуж. Да-да, Леонид. Это непреложный факт. Не томи, как она?

– Ты иногда просто несносен, Володя, – досадливо махнул рукой поручик и грузно уселся в автомобиль, качнувшийся под его весом.

Гусар тут же потерял интерес к этой истории, тем более что в своих шуточках и подколках он знал меру, а его лучший друг смотрел вслед давно скрывшемуся авто, уносящему красавицу, ТАКИМИ глазами.

– Так мы едем к цыганам, господа?

Юные офицеры загомонили и принялись рассаживаться по терпеливо ожидавшим экипажам. Остался стоять один лишь Бежецкий, так и не выпустивший из руки платочек.

– Ты едешь? – тронул его за плечо Бекбулатов. – Или как?

– Или как, Володя, – покачал головой Саша. – Вы уж без меня.

– Влюбился, – констатировал гусар. – Не могу одобрить, конечно, но... Как знаешь.

Кавалькада медленно покатила прочь, и Александр расслышал сквозь приоткрытое окно автомобиля, как голос Сальского затянул:

– Когда б имел златые горы...

– И реки полные вина... – подхватил могучий хор.

Платочек действительно был невесом и пах фиалкой...

³ *Гаргантюа* – персонаж романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» французского писателя эпохи Возрождения Франсуа Рабле (1493–1553), отличавшийся богатырским аппетитом.

* * *

– Право, господа, – старший унтер-офицер Ремизов, развалившись на травке, покусывал травинку, любуясь величаво проплывающими в небе облаками. – Откуда на нашу голову свалился этот Цербер?

– Цербер, Константин, страж подземного царства, – лениво поправил приятеля рядовой Чарушников, пользующийся краткими минутами отдыха, чтобы если не подремать, то хотя бы посидеть в расслабленной позе, привалившись к стволу березки спиной. – И свалиться на голову не может никак. Нашему больше подходит называться драконом.

– Дракон, Цербер... – младший унтер Рейгель, как всегда, был резок в суждениях. – Обычный Держиморда. Только что из Пажеского корпуса, вот и выслуживается, проявляет рвение.

– Я слышал, что он из Николаевского, – заметил Ремизов.

– Тем более. Значит, лучший из лучших. И здесь хочет быть таким же.

– Не получится. Здесь все лучшие из лучших.

– Ну да. Особенно ты.

– Кроме шуток, господа. К чему нам все эти экзерсисы? Марш-броски, стрельбы, десантирования... Мы гвардия или нет?

– Видишь ли, Костя, – Чарушников не желал открывать глаза ни в какую, – мы – гвардия боевая. А в современной войне на конях да с пиками наперевес в атаку не очень-то поскачешь.

Второй эскадрон лейб-гвардии Ее Величества уланского полка традиционно, еще в конце мая переведенный из Санкт-Петербурга в летние лагеря под Гатчину, отдыхал после изнуряющего марш-броска. И уж традиционным этот марш-бросок назвать было нельзя. Не привыкли brave гвардейцы, предвкушавшие приятное времяпровождение на лоне природы, к такому вот экстриму. А все новый младший офицер, только что прибывший в полк.

Уланы, навьюченные по полной выкладке, сбрасывали жирок ударными темпами и глухо роптали. Ладно бы хоть гоняли одних лишь гвардейцев из простолюдинов – этим сам бог велел. Но юный корнет, несомненно метящий если не в Бонапарты, то в графы Суворовы-Рымникские определенно, не щадил и «белую кость» – своих собратьев по дворянскому сословию. Несколько гвардейцев, отдыхавшие отдельно от остальных – выходцев из крестьян, горожан, купеческого сословия, студенчества, относились к элите эскадрона. Дворяне из пусть не знаменитых, но старинных родов, польский шляхтич и два остзейских барона сдружились с самого поступления в гвардию и на остальных смотрели свысока. И уж их-то командир эскадрона штаб-ротмистр Обручев напрягать точно не стал бы. Но вот незадача: убыл Викентий Владимирович в отпуск на родину по семейным делам. Не то помер кто-то из его родни, не то тяжело заболел... А поручику Констанди дела не было до забав юного Ганнибала – он, пользуясь каждым удобным моментом, штудировал науки, поскольку по достижении должного чина намерен был поступить в Академию Генштаба. И уж совсем сквозь пальцы глядели на чудачества корнета старшие офицеры, справедливо полагавшие, что молодость – болезнь, которая лечению не поддается, но сама собой с возрастом проходит. Перебесится и остынет, а погонять немного засидевшихся за зиму «нижних чинов» полезно, как на это ни посмотри.

– Но нам это к чему? Кто последние полсотни лет посылал гвардию в бой? Напомните мне, господа, такую войну, где не хватило бы одних армейских?

– Если не ошибаюсь, в Южнокитайском конфликте гвардия участвовала, – заметил стройный, как девушка, Пршевицкий-Ганевич, брезгливо пытавшийся выковырнуть прутиком из глубокого протектора ботинка нечто малоаппетитное: незадолго до привала эскадрон пересек выгон, густо «заминированный» сытыми чухонскими коровами.

– Ха! Нашел что вспомнить! Там участвовала гвардейская а-ви-а-ция! – по складам выговорил Ремизов. – И заруби себе на носу, поклонник Мицкевича, – всего два полка. Не из столичных притом.

– Ну, мы тоже имеем некоторое отношение к воздуху...

– Угу. Тоже летаем, но низенько-низенько, – саркастически вставил Рейгель. – Как говорит наш фельдфебель Панасюк.

– И все равно, – никак не мог согласиться унтер-офицер. – Я понимаю строевые упражнения, выездку, прочее... Это наш хлеб, так сказать. Но к чему мне ковыряться в моторе броневездехода? На это есть техники.

– И в бою ты тоже будешь ждать техника?

– В каком бою? О чем я тут талдычу битый час?..

– Подъем! – донеслось до спорщиков, и они нехотя начали вставать, отряхивать камуфляж и разбирать составленные в пирамиду автоматические карабины, беззлобно переругиваясь и толкаясь, будто мальчишки. Кто-то сцепил карабины Пршевицкого и Рейгеля антабками, и теперь они безуспешно пытались отделить один от другого, понося последними словами младшего унтера Никольского. Этот великий мастер на подобные шуточки теперь скалил зубы вне сферы досягаемости их кулаков и давал «дельные» советы вроде того, что одному следует закинуть свой карабин за правое плечо, а второму – за левое и так, в виде сиамских близнецов, следовать до лагеря.

– Эскадрон, стро-о-ойся в колонну! – пробежал мимо них корнет, подтянутый и свежий, как всегда, будто только что вместе со всеми не отмахал пару десятков верст, но заметил непорядок и вернулся. – Вот так это нужно делать. – Несколькими точными движениями он расцепил карабины и поочередно вручил хозяевам. – Как вы умудрились зацепиться? Это же суметь нужно... Придется в лагере потренироваться составлению оружия в пирамиду. В строй, в строй...

И легкой серной унесся дальше.

– Дошутился? – с упреком в голосе спросил Никольского Пршевицкий-Ганевич и повесил оружие на плечо. – Вот не было печали, теперь железяки эти тренироваться составлять.

Проклинаая на чем свет стоит корнета Бежецкого, гвардейцы поплелись к уже построившемуся в походную колонну эскадрону...

* * *

– К вам можно, корнет?

Не дожидаясь ответа, на пороге Сашиной «кельи» вырос он – краса и гордость лейб-гвардии уланского полка поручик Вельяминов собственной персоной.

– Да-да, – запоздало ответил Бежецкий, следя с тщательно скрываемой завистью (ему этому никогда не научиться!), как князь небрежно стягивает с аристократически изящных рук лайковые перчатки, непринужденным жестом смахивает с продавленного кресла воображаемую пылинку и наконец усаживается, небрежно закинув ногу за ногу.

С Дмитрием Аполлинарьевичем, а попросту – с «нашим князем Митей», Александр познакомился буквально через пару дней после своего зачисления в полк. Поручик Вельяминов, закончивший то же самое Николаевское училище несколькими годами раньше – увы, одноклассниками они не были, – подвизался таким же младшим офицером, только не во втором, как корнет, а в первом «привилегированном» эскадроне. И судя по всему, совсем не рвался делать карьеру, равно как не манкировал повседневными обязанностями.

Отпрыск некогда влиятельного, но и теперь не лишнего благожелательности Государя рода, он был истинной душой компании, заводилой всяческих приключений и организатором холостяцких пирушек, не опускаясь при этом ниже определенного предела, им же самим и

отмеренного. Сашу он заметил сразу, благодаря служебному рвению последнего, более подходящему для выходца из низов, чем для «белой кости». Выделил и отметил, поскольку сам с некоторым презрением относился к великосветским шалопаям, мнящим военную службу неким мимолетным эпизодом своей пресыщенной удовольствиями жизни. А дружба их началась вовсе не с достопамятной вечеринки в честь поступления молодого офицера в полк. А несколькими днями раньше, когда поручик, ведущий своих подопечных на строевые занятия, нос к носу столкнулся с перемазанным грязью (лето выдалось сырым, и низменная местность никак не хотела высыхать) незнакомцем в съехавшей набок каске, командовавшим несколькими десятками таких же грязных, но вдобавок еще тихо матерящихся про себя солдат. А вечером того же дня Вельяминов резко оборвал на полуслове князя Лордкипанидзе, принявшегося за бильярдом в свойственной ему пошловатой манере, в красках расписывать ту же картину...

– Чем это вы заняты, Александр? – Князь, не меняя позы, протянул руку – благо крошечные размеры Сашиных «апартаментов» позволяли это сделать чуть ли не с любой точки помещения – и ловко отобрал у засмущавшегося корнета пухлый том, который тот штудировал, пользуясь свободным временем. – Ба-а-а! Жизнеописание Евгения Савойского! Да еще на французском! Похвально, похвально...

– Да вот, – еще больше стушевался Бежецкий. – В училище все как-то не удавалось, а тут, оказывается, обширная библиотека...

– Естественно. – Вельяминов небрежно швырнул книгу на стол, умудрившись не сбить при этом ничего, там находящегося. – Молодые офицеры частенько приезжают со своими книжными собраниями, тщась приобщиться к воинской премудрости предков, а потом... А потом дарят сии сокровища полку. Вы не забыли, мой друг, – резко сменил он тему, – какой сегодня день?

– Пятница, – пожал плечами корнет.

– Вот именно, вот именно... Но непременно запомнили, о чем я вам говорил в прошлую пятницу.

– О чем? – наморщил юношески гладкий еще пока лоб Александр. – Извините...

– Надо заметить, юноша, – Дмитрий Аполлинарьевич был всего лишь на пять лет старше своего визави, но его добродушное «юноша» или «мальчик мой» никогда не встречало сопротивления у последнего, вероятно, сказывался жизненный опыт, которым Бежецкий пока еще был не слишком богат, – что память ваша весьма избирательна. Бьюсь об заклад, что спроси я сейчас что-либо из воинского артикула или походов того же принца Савойского – вы ответили бы без запинки, а вот мое недельной давности предложение, будучи к службе не относящимся, абсолютно выветрилось у вас из головы. Я прав?

Конечно же, князь был прав. Саша сейчас лихорадочно перебирал в уме, к какой хотя бы области относилось то самое предложение. Очередная вечеринка? Чей-то юбилей? Поездка в Санкт-Петербург, благо ничего экстраординарного в выходные не предвиделось? Хранящий массу первостепенно важной (а также второ- и третьестепенной) информации мозг в этом отношении был девственно чист.

– Неужели, – попытался он робко пошутить, чтобы только не молчать, – вы в прошлую пятницу вызвали меня на дуэль?

– Оригинально... – протянул Вельяминов, возведя очи горе. – Весьма оригинально... Увы, если бы я вызвал вас на дуэль в прошлую пятницу – один из нас уже лежал бы на кладбище или, в лучшем случае, в госпитале, а другой – сидел до суда под домашним арестом. Я видел вас на стрельбах и не ободряюсь по этому поводу, да и сам не мазила. Дуэль, чтобы вы знали, в отличие от мести – горячее блюдо. И повара обычно стараются, чтобы повод не остыл... Но довольно о грустном. Поскольку вы, сударь, страдаете ранним склерозом, я с прискорбием сообщаю вам... – Поручик выдержал эффектную паузу и закончил: – Мы с вами едем на бал. Срочно мыться, бриться, приводить себя в порядок – у вас ровно два часа...

* * *

– Видали, господа? – Старший унтер-офицер Ремизов, не оборачиваясь, кивнул приятелям на что-то находящееся у него за спиной. – Наш Держиморда тоже приволокся.

– Где? – Юный Пршевицкий-Ганевич вытянул и без того длинную шею, чтобы разглядеть что-либо в толкотне мундиров, гражданских костюмов и дамских туалетов. – Где, господа?

– Не тяните шею, жираф белостокский, – прошипел, дернув любопытного поляка за рукав, барон Рейгель. – Вам что – и здесь недостает его общества?

– Интересно, – пробормотал Чарушников, примериваясь взглядом к столику с закусками и горячительным, пока еще нетронутому. – Кто этого господина пригласил... на нашу голову.

Все четверо находились здесь, на традиционном летнем балу в имении князей Ртищевых, на абсолютно законном основании – в увольнительной отлучке за подписью командира – поручика Констанди, в партикулярном платье и к тому же по личному приглашению племянника хозяев, своего давнего закадычного приятеля. Но от того ни желания общаться с ненавистным «драконом», ни даже видеть его физиономию у них не возникало. Даже у либерально к командиру настроенного Чарушникова его присутствие вызывало некий дискомфорт.

– Кто-кто, – передразнил его Рейгель, старательно делая вид, что не заметил знакомого лица: корнет уже с минуту пристально разглядывал всю четверку, видимо, раздумывая – подойти или не стоит. – Наш князь Митя, конечно же. Кто еще может вытащить этого дуболома из казармы?

– Ну, дуболомом я бы его не назвал...

– Молчите, адвокат! Кто еще способен все урочное время гонять солдат по плацу и окрестным лесам, а в свободное – зубрить руководства по тактике и баллистике?

– А может быть, он вообще... – неопределенно покрутил ладонью Пршевицкий-Ганевич. – Из этих.

– То есть?

– Ну, которые к женскому полу... холодны.

– А вот это мы сегодня выясним, – заявил Ремизов, одергивая полы несколько вольготно сидящего на нем фрака: шился он когда-то по фигуре, но умелец-портной никак не предполагал, что заказчику приспичит экстренно сбросить полпудика лишнего жирку. Не по своей воле...

* * *

– Прекратите пялиться на этих лоботрясов, – прошипел Дмитрий Саше на ухо, улыбаясь знакомым. – Вы что – решили испортить себе весь вечер?

– Но... – Александр был смущен. – Как это будет выглядеть в плане субординации?..

– В плане субординации – отлично, – отрезал князь. – Точно так же, как в плане субординации выглядим мы с вами в глазах, допустим, генерала Митрохина.

– Где? – закрутил головой Бежецкий, тщаь разглядеть в толпе гостей легендарного офицера.

– Прямо напротив вас, под ручку с дамой в пунцовом платье, – мученически вздохнул поручик. – И, если хозяева не попросят нас с вами удалиться из-за оскорбительно пристального разглядывания их гостей, я вас с ним потом познакомлю.

– Простите, князь...

– Ничего. Вы что, Саша, никогда не бывали на балу?

– Почему же... Бывал, конечно, – еще больше засмутился корнет. – Вот только...

Его спас распорядитель, громко объявив:

– Вальс, господа!..

* * *

– А вы неплохо танцуете, корнет, – похвалил Вельяминов своего друга, когда был объявлен перерыв и гости, весело переговариваясь, потянулись к столикам с выпивкой и закуской «освежиться».

– Вы льстите мне, Митя. – Раскрасневшийся Бежецкий только что отпустил к подругам одну из юных жеманниц, которую только что лихо кружил в танце по старинным паркетам двухсветного бального зала, отчаянно жалея, что в придачу к фирменному гвардейскому поклонувки не может звякнуть шпорами⁴. – Да я в танцах дрессированный медведь, не более. Видели бы вы моего друга, князя Бекбулатова...

– А я вот вижу, что мсье Делавриер, наш старый добрый учитель танцев, по-прежнему недаром ест казенный хлеб с маслом, – перебил его князь, сам только что показывавший недурное знание хореографии, разве что с более зрелыми партнершами. – И первый выпускник нашей альма-матер – первый во всем.

За этим разговором офицеры, как и большинство собравшихся, тоже отдали честь пикантной снеди и тонким напиткам, в изобилии украшавшим столики покойной части зала, с самого начала оккупированной мужчинами в годах и высоких чинах, считавших «невместным» скакать и кружиться наравне с молодежью. Зрелые мужи, отечески поглядывая на резвящихся юнцов, предпочитали проводить время в степенной беседе, потягивать коньячок и беленькую, отлучаясь время от времени в курительную комнату, тогда как их спутницы организовали собственный кружок у столиков с пирожными, делясь друг с другом одновременно рецептами вкусной кухни и радикального похудения.

По молодости лет Саша был почти равнодушен к спиртному, предпочитая выпивке «цивильные» деликатесы под легкое крымское вино, от которых порядком отвык в училище и полку, где кормили сытно, но без особенных изысков. Дмитрий же, напротив, по природной склонности к полноте (о чем все знали исключительно с его слов), деликатной снеди избегал, отдавая дань «Шустовскому», хотя, разумеется, в меру. Все же это был не дружеский «междусобойчик», где можно было расслабиться в полной мере.

– Я вижу, друг мой, – Вельяминов кивнул бесшумному слуге, «обновившему» графинчик с коньяком, и звякнул рюмкой о бокал Александра, – за весь вечер вы не остановили свой выбор ни на одной из осчастлививших вас своим вниманием дам. В том смысле, что в каждом танце у вас была другая партнерша. Это случайность или?..

– Увы, Митя, – вздохнул корнет. – Или... Я влюблен.

– Серьезно? – поднял брови Дмитрий. – Вы, поклонник Сципиона Африканского и Густава-Адольфа, влюблены? Полноте! От вас ли я это слышу! А как же маршальский жезл под кроватью?

– Вы смеетесь, князь. – Александр покраснел и досадливо отставил чуть тронутый бокал. – А между тем я говорю серьезно.

– Простите меня! – прижал ладонь к сердцу поручик. – Право, я не хотел вас обидеть. И кто же та Брюнхильда, та Ника Самофракийская, что пленила гордого воителя? Ну, смелее же, мой идальго, поведайте своему верному оруженосцу сердечную тайну!

В другой момент Саша, конечно бы, засмутился и промолчал, но рядом был друг, кровь бурлила от доброй порции гормонов, впрыснутых в нее во время танцев, да и коварное произведение ливадийских виноградарей не осталось в стороне...

– Ее зовут Настя...

⁴ На бал офицеры, даже при мундире, должны были являться в специальных туфлях.

– Чудесное имя! И, что самое главное, редкое! Вы знаете, сударь, что в церковные книги Российской империи, наряду со всякими Еленами, Феклами, Генриеттами и обладательницами сотен других прекрасных имен, вписано не менее полумиллиона Анастасий. Это я вам говорю вполне обоснованно. Рискну ошибиться, но имя вашей возлюбленной входит в десятку наиболее распространенных на нашей одной пятой суши. Что не мешает ему, конечно, быть самым дорогим и единственным на свете для вас, Александр. Короче говоря, я требую конкретики.

– Анастасия Александровна...

– А еще точнее?

– Головнина...

– Дочка Александра Михайловича? Товарища министра путей сообщения? У вас отличный вкус, Саша. Поздравляю.

– Вы ее знаете?

– Кто же не слышал о Настеньке Головниной! Вы в курсе, – нагнул голову к Саше Вельяминов и заговорщически понизил голос, – что их имение, Богородское, расположено в десяти верстах отсюда? А мои родовые пенаты – в восемнадцати.

– Не может быть! И вы с ней знакомы?

– Ха! Да я, будучи недорослем, бывало, таскал ее за соломенные косички. За что, разумеется совершенно справедливо, неоднократно был дран ее папашей. Соответственно, за уши.

– Я не верю...

– Поскольку папенька ее, Александр Михайлович, – хладнокровно закончил поручик, – приходится двоюродным братом моей маменьки, Ксении Георгиевны, в девичестве Головниной. А Настя мне вследствие этого – кузиной.

– Послушайте! – горячо воскликнул юноша, вцепляясь в рукав друга. – В таком случае вы, князь, просто обязаны устроить нам встречу! Как друга я...

– Нет ничего проще, граф, – улыбнулся Дмитрий. – Потому что в данный момент ваша пассия стоит за вашей спиной и нервно тербит платочек, не решаясь помешать нашей беседе.

Саша резко обернулся и увидел ее...

– Мазурка, господа! – как будто ждал этого момента распорядитель, заставив общество прийти в движение.

– Смелее, сударь, – подтолкнул Александра в спину поручик. – Не упустите свое счастье...

* * *

– Вы оказались не правы, господин шляхтич, – протянул руку Чарушников. – Гоните проигранный рубль.

– Беру свои слова обратно, – вздохнул Пршевицкий-Ганевич, роясь в кармане фрака и косясь на счастливую пару, проносившуюся в вальсе как раз мимо неразлучной четверки: корнет не отпускал от себя даму уже четвертый танец подряд. – Рубль ваш, Евгений.

– Не грустите, Тадеуш, – хлопнул проигравшего по плечу Ремизов. – Я готов поставить империал против четвертака⁵ на то, что теперь нашему Дракону уже будет не до нас, грешных...

– Уже Дракону? – подмигнул Рейгель. – Не Держиморде? Не Дуболому? Не Церберу, наконец?

Старший унтер-офицер лишь махнул рукой и увлек приятелей к столу...

А на другом конце бального зала князь Вельяминов потягивал коньяк, с доброй улыбкой следя за своими «крестниками», не замечающими ничего и никого, кроме милого лица напротив.

⁵ Четвертак – обиходное название монеты в 25 копеек.

И никто, кроме него, не знал о некоем письме, лежащем сейчас в рабочем столе.

Начиналось письмо так:

«Душа моя, друг Вельяминов!

В прошлом письме проговорился ты мне о дружбе своей с неким поручиком Бежецким из новгородских дворян. А я поведал о том, из бесхитростной своей натуры, другому нашему приятелю Оресту. Ну, Ардабьеву, ты помнишь. Так вот, младший брат нашего Орестушки, Леонид...»

Выходит, что, вопреки старинной легенде, Амур, пронзивший стрелой два сердца, был вовсе и не слеп...

2

Все последующие месяцы, до возвращения в столицу «на зимние квартиры», Саша провел как во сне...

Нет, четверка его титулованных улан, конечно, ошиблась в расчетах – про службу юный офицер не забывал, не позволяя себе уйти в грезы с головой, но... Марш-броски стали почему-то менее выматывающими, строевые упражнения уже не походили на дрессировку, а стрельбище – на бой в кольце врага. И на прикроватном столике труды великих полководцев прежних эпох почему-то уступили место романам и толстым томикам стихов. А уж в субботние и воскресные дни, если не было дежурства по полку или каких-нибудь других неотложных служебных дел, корнет, когда на пару с Вельяминовым, а когда – и один, загадочным образом исчезал...

О, что это было за лето! Казалось, сама природа благоволила влюбленным. Сырое и ненастное вначале, оно будто спохватилось после того памятного бала и радовало теплом и ярким солнышком аж до самого яблочного Спаса, позволяя двум голубкам бродить по прозрачным березовым рощам, сидеть на бережку заросшего камышом и кувшинками пруда в потайном уголке имения, слушать кукушку перед мимолетной летней грозой... Как жаль, что такая идиллия обречена непреложными законами жизни на завершение.

И расставались Саша и Настя на излете лета, словно навек – столько слез было пролито девушкой. Да и суровый ее кавалер все больше поглядывал куда-то вверх, а глаза у него подозрительно блестели. И не верилось, что встреча ждет их уже совсем скоро – не успеет Нева подернуться льдом, а ее гранитные набережные – укрыться снежком...

Недели не прошло с расставания, а на почту, доселе почитаемую «новым Бонапартом» чем-то ненужным, Бежецкий зачастил с регулярностью метронома по три раза в день. Те депеши, что он относил туда – не доверять же любопытным полковым писарям, настолько виртуозно, по слухам, владеющим техникой перлюстрации, что и комар носа не подточит, – никто и никогда не видел. А вот ответные – сослуживцы несколько раз завозили ему с оказией. И потом клялись и божились в узком кругу, что письма те в изящных конвертиках, подписанных легкой, по всему видно, девичьей рукой, пахли фиалками.

– Даю голову на отсечение, – с треском загоняя шар в лузу, вещал князь Лордкипанидзе партнерам по игре и окружавшим бильярд зрителям, – что стоит нам вернуться в Петербург – и юный корнет тут же зашлет сватов в некий дом на Мойке.

– Ха! – Поручик Переславцев отложил мелок и вытер пальцы салфеткой. – Не отказался бы я попасть в их число!

– Он не отказался бы! – горячился пламенный грузин и, отключив поджарый зад, обтянутый щегольски ушитыми форменными рейтузами (не дурак был сын гор покрасоваться своей атлетической фигурой), мастерски расправился со вторым шаром. – Я сам не отказался бы! Представляете...

– Да, это было бы здорово, – положив подбородок на руки, скрещенные на спинке стула, оседланного кавалерийским манером, протянул штаб-ротмистр Баргузин, слышавший романтиком и сентименталом и, по слухам, втихомолку строчивший рассказы, отсылаемые, под псевдонимом, естественно, в столичные журналы. – Давненько я не гулял на свадьбе...

– Что ты понимаешь в свадьбах, Гриша? – Князь позорно «профукал» верный шар и в сердцах плюнул, уступая очередь Переславцеву. – Разве у вас здесь свадьбы? Это поминки, а не свадьбы, генацвале! Вот у нас, в Тифлисе!.. О-ла-ла-о-ла!.. – затянул он гортанную песню, намереваясь пройти по бильярдной в зажигательном горском танце.

– Увы, боюсь, не получится у нас погулять на свадьбе юного графа, – подал голос князь Вельяминов, доселе в разговоре не участвовавший, поелику с головой был погружен в разга-

дывание крестословицы⁶ из свежего номера «Смехача». – Так что, Гоги, прекрати мне мешать и займись бильярдом. Поручик сейчас оставит тебя без штанов.

– Меня? Без штанов? – взъярился грузин, бросая яростный взгляд на зеленое сукно, где действительно оставалось всего четыре шара, к одному из которых, довольно неуклюже, примерялся Переславцев, но тут до него дошел смысл слов приятеля. – Почему?

– Потому что до жалования еще как до твоих гор пешком, причем известным аллюром, в кармане у тебя ни гроша, – хладнокровно сообщил Дмитрий Аполлинарьевич, аккуратно заполняя серебряным карандашиком очередную строчку. – А в долг тебе никто не даст. Я в том числе. Сколько ты мне должен? Полторы сотни? Две?

– Триста пятьдесят, – смутился Лордкипанидзе, запуская пятерню в пышную вороную шевелюру. – Но сейчас я не об этом...

– А я об этом, – окончательно вогнал поручика в краску «наш князюшка».

– Действительно, почему? – поддержал Георгия Автандиловича Баргузин. – По всему судя, молодые люди любят друг друга...

– Согласно уложению почившего в бозе Алексея Николаевича, батюшки здравствующего императора нашего Петра Алексеевича, – скучным голосом начал Дмитрий, – от одна тысяча девятьсот тридцать шестого года, как вам известно, восстановившего многое из почитавшегося старомодным и устаревшим...

– Не тяните кота за хвост, сударь, – оторвались от шахматной доски ротмистр Селянинов и поручик Деаренголец, казавшиеся увлеченными игрой, но на самом деле прислушивавшиеся к разговору. – Любите вы подпустить канцелярщины, право слово!

– Можно и покороче. – Князь вписал еще одно слово, теперь по вертикали. – Даже если любезный наш отрок решится представить свою пессию офицерскому собранию...

– Заставим! – Лордкипанидзе царственным жестом отстранил промахнувшегося Переславцева от стола и принялся кружить вокруг зеленого поля, будто коршун, выбирающий добычу.

– И даже если командир наш, Павел Петрович Робужинский, не откажется дать на бракосочетание это свое согласие, – кротко продолжал Дмитрий Аполлинарьевич, задумчиво постукивая карандашом по журнальной странице, – боюсь, что Сашеньке придется подождать несколько лет.

– Двадцатипятилетия? – хлопнул в ладоши Даренголец. – Тут ты попал пальцем в небо, Митя! Конечно же, в этих старых бумагах все такое прописано, но на деле... Это все-таки устарело, ваша светлость, давно уже устарело.

– Совершенно верно, – поддержал его ротмистр. – Да чего далеко ходить? Не далее, чем два месяца тому, один корнет из кавалергардского – фамилия его вам, господа, ровно ничего не скажет, обвенчался с урожденной княжной Великолукской. И отроку сему, – Селянинов поднял вверх прокуренный до желтизны палец, – на Пасху едва стукнул двадцать первый годик. А наш-то Сашенька постарше... Хотя и не намного, – самокритично добавил офицер, вновь возвращаясь к доске.

– Вот видите? – ободренный поддержкой Даренголец просиял. – Говорю же я вам: устарело все это...

– Обычаи, скрепляющие устои Империи, не могут устареть, – сухо обронил Вельяминов. – Однако я имел в виду не возраст Бежецкого. Большинство из здесь присутствующих, – обвел он взглядом офицеров, – старые холостяки. Но вот Ивану Федоровичу, – кивнул он Селянинову, – должно быть хорошо известно, что для женитьбы до достижения чина штаб-ротмистра... у нас, в гвардии поручика... необходимо разрешение военного министерства. Либо

⁶ Крестословица – кроссворд.

высочайшее соизволение. Как там фамилия вашего корнета, Иван Федорович? Не жмитесь, сударь: вы тут не на базарной площади – дальше этих стен ничего не выйдет. Будьте уверены.

– Шаховской, – неохотно буркнул ротмистр, уткнувшись в доску, а все остальные задвигались, зашумели: кто же не знал, что Евдокия Павловна Шаховская была фрейлиной и наперсницей самой Марии Антоновны!⁷ – Но это ничего не меняет...

Увы, все знали, что меняет – еще как меняет...

– И причина всего этого прозрачна, как стекло. Жалованье, презренный металл, дабы мог молодой офицер достойно содержать семью, не позоря при этом гвардию.

– Бежецкие – старинный род, – подал кто-то голос.

– Но при этом, – парировал Вельяминов, – небогатый. Не Орловы, Долгорукие или те же Шаховские.

– Собрать деньги по подписке! – брякнул, не подумав, Лордкипанидзе.

– И сколько лично вы, князь, намерены вложить? – ехидно прищурился «наш князюшка». – Да и в любом случае, Саша не возьмет.

– Но ведь есть и другой вариант, – не сдавался Даренгольд. – Если есть на то насущная необходимость... Ну вы понимаете.

– Бросьте, поручик! – махнул рукой князь. – Я готов тысячу рублей против рейтуз нашего дорогого князя, – кивок в сторону Лордкипанидзе, снова светившего филейными частями над бильярдом, – поставить, что корнет даже не поцеловал известную нам девицу ни разу. Разве что ручку. Так что не нужно, господа, ставить телегу впереди лошади, как говорят островитяне... Лучше скажите, что это за непарнокопытное животное из пяти букв?

– Ишак! – тут же отозвался Лордкипанидзе, обиженный намеком на его гордую бедность: ну не держались деньги в руках у простодушного грузина, и все тут!

– Ишак... Ишак... А как вы полагаете, Георгий Автандилович: слово «ишак» пишется с двумя «а» или двумя «ш»?

– Тогда осел.

– Угу-м... Ос-сел... Увы, и тут промах. Оканчивается на «эр».

– Пишите «тапир»⁸, не ошибетесь, – буркнул до сих пор обиженный Селянинов и с треском переставил ферзя на другое поле. – Вам мат, поручик...

* * *

Саша и Настя брели по Воскресенской набережной близко, едва не соприкасаясь плечами. Впереди из-за Александровского моста вырастал отсвечивающий тусклым золотом шпиль Петропавловской крепости. По шершавой от дуящего с моря осеннего ветра реке споро бежал, отчаянно дымя, буксир, напоминающий кургузого задиристого щенка боксера. Сходство было разительным, особенно на фоне застывшего у противоположного, Арсенального, берега приземистого грузового теплохода, не то разгружавшегося или, наоборот, грузящего что-то военное, не то просто ожидавшего разводки мостов, чтобы выбраться из тесной ему Невы на простор Финского залива.

Корнет думал о том, как здорово было бы сейчас взять Настеньку под руку, мимолетно ощутить под одеждой податливое девичье тело, такое близкое и желанное... Но здесь, на людном месте, он стеснялся, сам не зная почему. Совсем другое дело – Летний сад, а еще лучше – один из тихих парков вроде Юсупова сада или Екатерингофа. Или любимый обоими английский парк возле Александро-Невской лавры...

⁷ Мария Антоновна – императрица, жена Петра IV Алексеевича, в девичестве – принцесса Анна-Мария, дочь датского короля Фредерика IX.

⁸ Тапир (лат. *Tapirus*) – тропическое травоядное животное из отряда непарнокопытных, напоминающее крупную свинью.

– Странно, – неожиданно сказала Настя, подходя к гранитному парапету. – Почему они не улетают?

– Кто? – оторвался Александр от своих мыслей, становясь рядом с любимой. Руки их, будто невзначай, соприкоснулись, и холодные девичьи пальчики доверчиво легли на теплую ладонь офицера.

– Вон, видишь? – Настя указала на качающуюся на волне, словно рыбацкие поплавки, стайку уток – не более десятка; как ни приглядывался Саша, в утиной охоте знавший толк, но из-за расстояния, так и не смог определить вид.

«Чернети, наверное, – сдался он. – Морские. Или гоголи...»

– Я читал где-то, – солидно кашлянул он в кулак левой руки, не решаясь потревожить руку девушки, – что из-за того, что Неве искусственно не дают замерзнуть, образовались популяции водоплавающих птиц, которые не имеют необходимости мигрировать на юг. Да и сточные воды, теплые... Горожане, опять же, подкармливают...

– Фу, противный! – несильно стукнула Настя кулачком по его руке. – Сточные воды... Это же... Фу!

– Ну, вообще-то, – злясь на себя, принялся оправдываться корнет, – это не только канализация... Промышленные стоки, например... Электростанции, опять же. Та же Охтинская. Или Михайлоархангельская.

– Все равно гадость! – отрезала девушка. – Но это хорошо, – без всякой логики продолжила она. – А то я боялась, что бедные уточки замерзнут... Я так плакала в детстве над сказкой о Серой Шейке... Давай их покормим! Тут неподалеку булочная есть...

– Ты думаешь, они нас увидят? – скептически оценил расстояние офицер. – Сомневаюсь.

– А мы их подманим. В нашем имении есть пруд – ну ты знаешь, – так там несколько лет подряд жила пара уток... Не жила, а на лето прилетала. Они даже утят вывелили! – округлила и без того большие глаза девушка. – Ей-богу! Как только я выходила на берег – они сразу спешили ко мне! Представляешь! Они знали, что у меня для них всегда припасено вкусненькое...

– Утки конфеты не едят, – улыбнулся Саша.

– Смеешься? – укоризненно поглядела на него Настя. – Будто я не знаю. Конфеты же сразу тонут.

– Значит, пробовала?

– Ну... Я тогда маленькая была... А кормила хлебными крошками, – с вызовом заявила девушка. – Брала на кухне у Василисы несколько кусочков, оставшихся от завтрака или обеда... А потом они перестали прилетать.

Александр порадовался про себя, что не успел поведать любимой свои охотничьи подвиги – они с отцом облазили с ружьями и спаниелями Жулькой и Карлушей все окрестные болота и озера, редко возвращаясь домой без полных ягдташей⁹. Любящая все живое и радующаяся и жучку, и птичке девушка, думается, резко переменила бы к нему отношение после подобных откровений.

Буксир, так же бодро бегущий обратно (хотя это, может быть, был уже совсем другой кораблик – молодые люди ничего не понимали в цифро-буквенной абракадабре, крупно выведенной на ржавом борту), внезапно издал резкий сиплый гудок, и стая уток, пробежав несколько метров по воде, поднялась на крыло.

– Противный! – это уже адресовалось бестактному суденышку. – Спугнул бедненьких...

Однако кормление пернатых теперь отпадало, поэтому парочка, постояв еще несколько минут у парапета, побрела дальше. То ли по какому-то недоразумению, то ли по иной причине,

⁹ Ягдташ – охотничья сумка.

девичья ручка оставалась в ладони офицера, и он, боясь спугнуть мгновение, таял от нежности к идущему рядом воздушному существу, согревая его ледяные пальчики теплом своего тела.

– Папенька велел тебе прийти к нам в следующую субботу, – не поднимая глаз, произнесла Настя.

– Зачем? – автоматически спросил Саша, мысли которого опять были далеко-далеко.

Отца Насти, Александра Михайловича, Бежецкий видел несколько раз мельком летом и даже обменивался парой-другой фраз – чиновник, человек современной формации, либерал и технократ, благосклонно относился к увлечению дочери, но чтобы побывать в доме, да еще вот так – официально... Нельзя сказать, что юноша был к этому готов.

– А матушка? – спросил он, лишь бы не молчать.

Он вспомнил, что Настину маму не видел никогда, да и если всплывало упоминание о ней в разговоре, девушка всегда меняла тему.

«Может быть, Настины отец и мать не ладят между собой?..»

– Маменька тяжело больна, – едва слышно произнесла Настя. – Она на водах в Карлсбаде. Врачи не рекомендуют ей наш климат...

Повисла тишина, и девичьи пальцы сами собой выскользнули из Сашиной руки...

* * *

– Проходите, проходите, молодой человек! – Александр Михайлович лично встретил гостя в прихожей, проводил в гостиную и усадил в кресло. – Очень приятно познакомиться! Кто вы у нас по чину? Я, извините, человек насквозь гражданский и в этих звездочках ни черта, простите за выражение, не понимаю. Поручик?

– Корнет, извините, – поправил его Саша.

– А это много или мало? До генерала далеко? – улыбаясь, продолжал расспрашивать Александра господин Головнин.

– Боюсь, что далеко. – Бежецкий не знал, куда деваться от смущения. – Корнет гвардии соответствует армейскому поручику... Или чиновнику десятого класса¹⁰.

– А я, выходит, полковник? – расхохотался Александр Михайлович, что-то подсчитав в уме.

– Даже выше, – неуклюже польстил ему офицер.

– Ну, ничего. Бонапарт тоже начинал простым артиллерийским офицером, а стал...

– И плохо кончил, – вступилась за Сашу Настенька, конечно же, находящаяся рядом: она не могла оставить любимого на растерзание папеньке. – Папа! Ну перестань смущать Сашу! К тому же обед – на столе...

– Конечно же! – потер небольшие, но сильные руки господин Головнин. – Пройдемте в столовую, милостивый государь, посмотрим, чем попотчует нас сегодня несравненная Василиса Егоровна...

За обедом Настенькин отец много шутил, поднимал под действительно великолепную закуску тосты за Государя, гвардию, начинающего военную карьеру офицера, слегка подпоил не смевшего ему отказать Сашу, несмотря на возмущение дочери, – словом, вел себя так естественно и непринужденно, что совершенно расположил к себе юношу и усыпил дремавшую в его душе тревогу. Да и Настя, поначалу волновавшаяся и то и дело бросающая обеспокоенные

¹⁰ Согласно «Табели о рангах», офицеры, чиновники и придворные подразделялись на 14 классов. 10-й класс был низшим для гвардии, а 13-й – для армейской службы. Корнет гвардии соответствовал коллежскому секретарю, а чин статского советника (5-й класс) находился между полковником и генерал-майором – гражданская и военная «шкалы» не были сплошными и имели пробелы.

взгляды то на витийствующего отца, то на любимого, к финалу обеда успокоилась и уже не краснела или, наоборот, бледнела при любой смене темы.

– Знатно мы сегодня отобедали, – проговорил наконец хозяин, аккуратно складывая салфетку. – Не устаю повторять, что наша Василиса Егоровна – настоящий клад для любого гурмана. Что там французские повара, которыми любят хвастаться мои коллеги по департаменту! Наша, природная русачка из Тамбовской губернии, заткнет за пояс любого дипломированного кулинара, будь он с берегов Сены, Тибра или Дуная. Вы еще не пробовали, сударь, какие она печет блины на масленицу! М-м-м! Пальчики оближешь!.. Доченька, милая, поди, распорядись, чтобы подавали сладкое, а мы с молодым человеком пойдем в библиотеку, чтобы выкурить по сигаре... Вы курите сигары, Александр Павлович?

– М-м-м... Нет, – признался Саша, табака на дух не переносивший.

– Ну ничего – у меня найдутся и сигареты...

– Саша вообще не курит, – пришла милому на помощь Настя.

– Правда? – изумился Александр Михайлович, и Бежецкий, впервые в жизни, пожалел, что не дымит как паровоз. – Похвально, похвально... А я вот, видите ли, никак не могу избавиться от сей пагубной привычки. Неоднократно пробовал бросать, применял всевозможные патентованные лекарства, которые так любят рекламировать наши бессовестные дельцы от телевидения... Все тщетно. Но сигарный дым-то вы хотя бы переносите?

– Да-да, конечно! – поспешил согласиться Александр, готовый сейчас дышать и фосгеном и хлорцианом, лишь бы отец Насти не потерял к нему расположения. – Меня это ничуть не беспокоит. Я даже, если угодно, сам готов попробовать...

– Ну, уж это увольте! Не хватало еще, чтобы я прикрасил вас к этой чуме двадцатого века. Никогда себе подобного не прощу!

Но стоило двери библиотеки затвориться за спинами мужчин, улыбка сползла с лица Александра Михайловича, будто шкурка с линяющей змеи. И сердце у юноши, при виде этой метаморфозы, пропустило удар. Он понял, что гроза этой «аудиенции», которую он почитал миновавшей, впереди.

Словно не замечая смятения, отразившегося в глазах молодого офицера, мужчина прошелся по комнате, бесцельно прикасаясь пальцами к тисненным золотом корешкам старинных фолиантов, многочисленным бронзовым безделушкам на полках, темной от времени резьбе шкафов... Когда он остановился и обернулся, их с Сашей разделял стол. Будто граница, рубеж, дуэльный барьер.

– Вы любите мою дочь? – прозвучало резко, как выстрел.

Бежецкий смешался. В лице господина Головнина уже не было той приветливости и сердечности, глаза смотрели холодно и оценивающе. Перед Александром стоял не радушный хозяин, отец любимой девушки и приятный собеседник. В один миг он превратился в человека, привыкшего требовать и повелевать.

– Да... Но...

– Извольте отвечать четко. Вы же военный человек.

– Да, я люблю Настю.

– Этого-то я и боялся, – после долгой паузы, в течение которой пожирал лицо гостя глазами, пробормотал Александр Михайлович.

Взгляд его внезапно потерял бритвенную остроту, глаза стали тоскливыми, словно у больной собаки. Он ссутулился, и Саша вновь поразился перемене: перед ним стоял усталый, пожилой человек, почти старик.

– Присаживайтесь, – указал он в кресло и уселся сам, не дожидаясь гостя. – Разговор будет долгим. Курите, – открыл он сигарный ящик, но вовремя спохватился: – Да, да, я помню...

Когда он подносил спичку к кончику тонкой сигары, руки у него заметно подрагивали.

– Понимаете, Александр, – произнес он, следя за струйкой дыма, – я совершенно разорен...

* * *

– Понимаете, Александр, – произнес господин Головин, следя за струйкой дыма, – я совершенно разорен...

Видя, что гость никак не отреагировал на его слова, он продолжил:

– Моя жена, мать Анастасии, очень больна. Вы знаете об этом?

– Да, Настя говорила мне, – пошевелился Саша в кресле. – Но какое это?..

– И вы знаете, чем она больна?

– Что-то с легкими... Настя сказала, что она на водах. В Карлсбаде, кажется.

– В Карлсбаде, – кивнул головой Головин. – Но не на водах. Наши врачи диагностировали у нее энфизему¹¹, прописали консервативное лечение, но в Австрии... Короче говоря, у моей супруги рак легкого в крайней стадии. Необходима операция, однако только подготовка к ней и предыдущее лечение съели почти все мое состояние. Вы думаете: «А как же все это?..» – саркастически ответил Александр Михайлович на недоуменный взгляд Бежецкого, обводя рукой окружающую их обстановку. – Все это – тлен, суета, ерунда... Этого не хватит, чтобы оплатить и неделю содержания в Карлсбадской клинике. Да и вообще... Имение и дом заложены, я весь в долгах... И даже если я как-то выкарабкаюсь из ямы, то никак не смогу обеспечить дочери пристойное приданое.

– Но это неважно! Я...

– Какое у вас жалованье? – прищурился сквозь сигарный дым чиновник. – Вот то-то. И капиталом вы тоже похвастаться не можете. Бежецкие хоть и родовиты, но небогаты. Я наводил справки, молодой человек. А Настя привыкла ни в чем себе не отказывать.

– Я приложу все усилия!

– И сможете найти лишнюю сотню тысяч на лечение ее матери?

– Нет, но...

– К сожалению, не можете... И того образа жизни, к которому она привыкла, тоже не можете дать. Честная опрятная бедность не для моей Насти, сударь, не спорьте.

Александр Михайлович помолчал.

– Я принял решение, – снова начал он, и голос его звучал глухо, – выдать свою дочь замуж за барона Раушенбаха.

– Но он же старик! – воскликнул Саша и осекся: отец Насти был тоже не молод.

– Да, он давно вышел из юношеского возраста, – согласился Головин. – Скажу больше: он всего лишь на двенадцать лет моложе меня... Но он состоятелен, если не сказать – богат, состоит в высоких чинах и близок ко двору. К тому же он вдовец, потому – опытен в семейной жизни...

Юноша во все глаза следил за лицом хозяина дома: ему казалось, что тот вот-вот улыбнется, похлопает его по плечу и скажет: «Ну полно, полно, молодой человек. Я просто пошутил...» Но тот продолжал:

– И самое главное – согласен взять в жены мою дочь без оглядки на приданое. Я уже имел с ним беседу на эту тему. Помолвка назначена через десять дней.

Мир рушился на глазах у Саши.

– Но она знает об этом? Вы ей сказали?

– Зачем? – удивился Головин. – Я отлично понимаю, что это известие не обрадует ее. Но поймите: это – единственный выход. Вы ведь любите мою дочь?

¹¹ Энфизема легких – заболевание, проявляющееся в органическом изменении ткани легких.

– Да, конечно...

– Тогда не стойте у нее на пути. Отойдите в сторону, мой друг. Вы молоды, привлекательны, вы блестящий гвардейский офицер. У вас большое будущее, карьера. Вы еще найдете себе спутницу жизни... чуть позже. Когда будете иметь положение в обществе, состояние, определенный вес. Не торопитесь, сударь. Поверьте мне, старику, жизнь не кончается завтрашним днем...

– Мужчины! – донесся из столовой веселый Настенькин голос, едва слышный из-за плотно закрытых дверей. – Прошу к столу! Дама скучает...

– Только не вздумайте передать моей дочери всего, что услышали здесь! – Александр Михайлович торопливо загасил окурочек в массивной пепельнице и поднялся. – Слово офицера и благородного человека?

– Да, конечно... – тоже встал из кресла Саша, в голове которого никак не укладывалось, что все его мечты развеялись, как сигарный дым.

– Тогда пойдемте, – взял его под локоть Головнин. – И не убивайтесь вы так – все еще впереди...

* * *

Александр лежал в темноте без сна, уставившись ничего не видящими глазами в потолок, по которому время от времени проплывали полосы света от фар редких ночных автомобилей. Шел четвертый час ночи, но Саша так и не сомкнул глаз, хотя завтра предстоял долгий день, полный служебных обязанностей, и негоже офицеру гвардии ползать, будто сонная зимняя муха.

Сказать, что он был расстроен словами Настинного отца, – значит не сказать ничего. Он был сражен, растоптан, размазан свалившимся на него несчастьем, таким огромным, что все предыдущие казались пустяковыми неприятностями и детскими обидами.

Вчера он с огромным трудом смог высидеть до конца обеда. Ему невыносимо было слушать щебетание любимой девушки, с которой его так бесцеремонно разлучали. Он отвечал невпопад, ронял столовые приборы, и удержаться от того, чтобы сказать больным и откланяться, ему помогали лишь внимательные взгляды Александра Михайловича, которые он то и дело ловил на себе.

Он не помнил, как прощался, не помнил, как покидал дом, само существование которого стало юноше ненавистно, не помнил, как прошел пешком в распахнутой на груди шинели три или четыре квартала, пока не был остановлен и строго отчитан за неопрятный внешний вид незнакомым офицером... И только застегивая последнюю пуговицу перед зеркальной витриной, он обратил внимание на вывеску:

«Товарищество «Тульские оружейники и К°»...

Сам не понимая зачем, Саша толкнул стеклянную дверь и, под мелодичное звяканье укрепленного над ней колокольчика, оказался в полутемном помещении, вкусно пахнущем «ружейным» маслом.

– Чем могу служить? – Приказчик за прилавком смахивал на улыбчивого паучка, терпеливо ожидавшего муху, имеющую неосторожность влипнуть в его сети. Или это только казалось расстроенному корнету?

– Я хотел бы взглянуть... – пробормотал Бежецкий, обегая взглядом оружейное великолепие, раскинувшееся перед ним в самых выгодных ракурсах.

– Не буду мешать, – учтиво согласился приказчик. – Но если что-то будет непонятно – спрашивайте, не стесняйтесь... Хотя что тут может быть непонятным такому бравому военному? – польстил он.

Александр любил оружие и понимал в нем толк. А как же может быть иначе, если он родился и вырос в семье потомственного военного, к тому же – завзятого охотника. В богатом отцовском арсенале, для которого была отведена специальная комната, прозванная «Охотничьей залой», ему лично принадлежали двустольный «зауэр» двенадцатого калибра¹² и трехлинейный карабин для охоты на крупного зверя, а стену гостиной украшала отлично препарированная голова кабана, добытого им лично еще в шестнадцатилетнем возрасте. Поэтому стройные ряды охотничьих ружей, винтовок, карабинов и даже автоматов, тянувшиеся вдоль стен, не привлекли его внимание. Равно как всякого вида холодное оружие, в изобилии украшающее простенки. Зато разложенные под стеклом пистолеты и револьверы всех известных систем и калибров захватили его целиком и полностью.

Саша давно хотел иметь личное оружие. Правда, желание это несколько притупилось после поступления в училище и еще более – после начала службы, но все равно таилось где-то в глубине и теперь, может быть, случайно, а может быть – и нет, прорвалось наружу. Конечно же, как и любой другой офицер Империи, он имел табельное оружие – стандартный 4,5-линейный автоматический пистолет Токарева, хранящийся, как положено, в металлическом шкафчике оружейной комнаты при казармах лейб-гвардии Ее Величества уланского полка. Но разве можно сравнить «токарев», пусть тоже красивый своеобразной суровой красотой (красиво любое оружие – от берданки сторожа до сделанного на заказ дуэльного «лепажа»), допустим, с этим длинноствольным «вальтером» Золлингенских мастерских или вон тем штучным «зубром» Тульских Императорских заводов?

– Выбрали что-нибудь? – поинтересовался спустя полчаса заскучавший приказчик. – Может быть, я все-таки что-нибудь подскажу?

– Покажите вот это, пожалуйста, – решил Бежецкий, указывая на никелированный «браунинг».

– О-о! У господина офицера превосходный вкус! – рассыпался в комплиментах торговец, выхватывая откуда-то из-под прилавка брата-близнеца пистолета, лежащего под стеклом. Да с такой скоростью и сноровкой, что сделала бы честь любому профессиональному налетчику или грабителю. – Сразу видно военного человека! Не чета иным гражданским тютям: смотрят-смотрят битый час, а потом уходят ни с чем. Извольте взглянуть поближе?

Приказчик молниеносно передернул затвор, демонстрируя, что магазин пистолета пуст, со звонким щелчком вернул его, застывший в крайней точке, на место и, с учтивым поклоном, протянул рукоятку вперед Бежецкому.

– Позвольте пояснить чуть-чуть? Обойма на десять патронов трехлинейного калибра, регулируемая накладка на рукояти, утяжелитель ствола в комплекте...

Пистолет с каждой минутой нравился корнету все больше. Сидел он в его пока еще не слишком мощной ладони как влитой – не чета монструозному «токареву», создававшемуся, вероятно, под стандарты Ильи Муромца – даже без патентованных регулируемых накладок. По весу был – самое то, да и не дамская игрушка – десять трехлинейных «маслят» – не шутка. Поэтому, еще не дослушав разливающегося соловьем продавца, он решил, что не расстанется с этим «браунингом». Тем более что в семизначном заводском номере присутствовали две шестерки кряду – его, Сашин, год рождения! Счастливым знак.

– И сколько это будет стоить? – внутренне обмирая, поинтересовался юноша, пытаясь припомнить, какой наличностью располагает.

И не зря – торгаш тут же выдал трехзначную сумму, равную нескольким месячным жалованьям корнета.

¹² Калибр гладкоствольного охотничьего оружия отличается от калибра нарезного. По давней традиции он считается по количеству круглых пуль, диаметром соответствующих стволу ружья, отлитых из фунта свинца. Поэтому 12-й калибр (12 пуль из фунта) крупнее 16-го, а тот, соответственно, 20-го. Не стоит путать с американской системой калибров, где за основу взяты десятые доли дюйма, и 45-й калибр, соответствующий 11,43 мм, крупнее 38-го (9 мм) и 22-го (5,56 мм).

– Но для вас, – поспешил он добавить, чутко отреагировав на то, как изменилось лицо офицера, – мы, во-первых, сделаем скидку, а во-вторых, требуемую сумму вы можете выплатить в рассрочку. Гражданским мы кредит обычно не предоставляем, – подмигнул шельма покупателю. – Мало ли для какой надобности им оружие? Может, и нужно-то на один раз... Поэтому – только наличными и полностью. А офицеру... Тем более такому, как вы, только начинающему блестящую карьеру... Одним словом, первоначальный взнос – пятьдесят рубликов, номер банковского счета, ваша собственноручная подпись вот тут и вот тут... Отлично!.. И можете забирать.

Имеющихся в бумажнике Александра купюр и монет хватило не только на первоначальный взнос, но и на новенькую, пахнущую кожей кобуру, коробку патронов и еще несколько необходимых штучек вроде набора для ухода за оружием, пары запасных обойм и некоторых других важных мелочей. Единственное, от чего он отказался, так это от руководства «Мой первый пистолет» толщиной в кирпич. Да приказчик не особенно и настаивал – все-таки не выпускнице института благородных девиц оружие продал.

Зато, выйдя из дверей магазина с пестрой картонной коробкой под мышкой, офицер уже не чувствовал себя огорошенным пыльным мешком из-за угла. И пасмурный питерский день как будто просветлел, и дома по сторонам улицы уже не сливались в серо-желтые унылые полосы... Жизнь обрела смысл, вкус и цвет.

Исключительно благодаря металлической безделице, покоящейся до поры в футляре...

3

– Извините, я не могу уделить вам много времени. Давайте сразу перейдем к делу...

Михаил Семенович Раушенбах был подчеркнуто сух и деловит. Саша даже не ожидал, что он вот так примет его и согласится переговорить, собиравшись вылавливать его на подходе к особняку на Торговой или у банка «Петрокредит», в числе пайщиков которого (а по слухам – владельцем) барон состоял. И, разумеется, не питал иллюзий в том, что господин Головнин поведал удачливому соискателю руки его дочери о неудачливом.

Бежецкий никогда доселе банкира не видел и знал о нем лишь со слов Насти, любившей со смехом рассказать о часто бывавших у них в гостях персонах. И фигурировавшего среди прочих особ барона юноша представлял себе лысым толстяком в мутном пенсне либо, наоборот, тощим и длинным, словно жердь. Вероятно, сыграли свою роль стереотипы, вычитанные из книг либо виденные в кино, потому что с реальным Раушенбахом его фантазии не имели ничего общего.

Банкир оказался человеком чуть выше среднего роста, подтянутым, спортивным, обладающим безупречной шевелюрой и, по-видимому, отличным зрением. Судя по выправке, господину этому, выглядевшему моложе своих лет (хотя молодому человеку, едва перевалившему на третий десяток, сорокалетний мужчина все равно казался стариком), в молодости довелось послужить, а лицо его было скорее благообразным, чем отталкивающим.

Ожидавший чего-то другого, юноша молчал, не в состоянии собраться с мыслями, и барон пришел ему на помощь:

– Вероятно, вы пришли, чтобы высказать свое мнение относительно, – легкая усмешка скривила тонкие губы барона, – моей предстоящей помолвки с девицей Головниной? Вы ведь ее бывший... кавалер, не правда ли?

– Да... То есть... – Голос изменил корнету, и он вынужден был откашляться. – Вы должны отказаться от помолвки! – выпалил он, отбросив все околичности.

– Серьезно? – уже открыто усмехнулся банкир. – На каком основании, позвольте узнать?

– Потому что она любит меня!

– Веская причина. А вот меня, к сожалению, она не любит... пока. Но замуж тем не менее пойдет за меня. Александр Михайлович ввел вас в курс дела, молодой человек?

– Да, в общих чертах.

– А подробнее вам и не нужно. Я старый друг семьи Головниных, Анастасию Александровну знаю с детских лет... Ее детских лет, разумеется. Что противоестественного в том, что друг желает помочь другу в трудную минуту?

– В обмен на его дочь!

– Ну и что? Человеческих отношений еще никто не отменял. Анастасия Александровна глубоко симпатична мне, привлекательна, если не сказать большего, я – вдовец...

– Вы ее не любите!

– А откуда вы знаете? К тому же... Что такое любовь? Выдающиеся умы человечества веками бьются над этой загадкой. Но ни один еще не выяснил, почему любовь приходит и почему она так же внезапно испаряется без следа...

– Вы ее просто-напросто покупаете, барон.

– Знаете, юноша, вы начинаете действовать мне на нервы. Я давно мог выставить вас вон и между тем теряю время, терпеливо разъясняя вам прописные истины. Кто сказал, что я покупаю Анастасию Александровну? Просто, видя, что господин Головнин находится в стесненных обстоятельствах, я... вернее, банк, скромным акционером которого я являюсь, выкупил его долги, закладные на имение и городской дом... Более того, банк предоставляет Александру Михайловичу долгосрочный кредит на лечение его дражайшей супруги, к которой я

искренне, по-дружески привязан. Что в этом предосудительного? Это истинно христианское милосердие, более того...

– Это подлю!

– Довольно. Пошел вон, щенок, – не повышая голоса, глядя прямо в глаза Бежецкому, спокойно произнес Раушенбах. – Или мне позвать слуг?

Не владея собой, Саша сунул руку в карман шинели.

– Я убью вас!

– Даже так? – высоко поднял брови банкир, не проявляя никакого беспокойства. – Вы заявили ко мне с пистолетом в кармане? Мило... Не кинжал же у вас там, в самом деле, – это был бы прямо моветон какой-то. Деятнадцатый век. Водевиль. Что там у вас? Доставайте, доставайте, не жмитесь! «Браунинг», конечно?

– Откуда вы...

– Значит, «браунинг», – удовлетворенно улыбнулся Михаил Семенович. – А как же иначе? Эх, молодо-зелено... Как я догадался? Элементарно. Человек серьезный и обстоятельный – вроде меня, например, купил бы для этого дела револьвер. Во-первых, штука более надежная – стрелять можно прямо через карман, не заботясь о том, как бы не заклинило затвор или не перекосило патрон. А во-вторых... Вы что, сударь: телевизор не смотрите? Детективов не читаете? «Браунинг» так далеко вышвыривает гильзы, что и не сыщешь потом. Тем более – в комнате, да еще незнакомой. А револьвер – чистая машинка. Все гильзы в барабане – никаких улик. Или вы боялись, что шести-семи патронов на мою скромную персону вам не хватит? Тогда бы уж автомат притащили, как североамериканские смертоубийцы, именуемые гангстерами.

Саша смущенно вынул руку из кармана: ну как можно выстрелить в человека, который смерти не боится и смеется прямо тебе в лицо?

– К тому же, – продолжал Раушенбах как ни в чем не бывало, – выстрелить в человека не так-то просто. Это вам не перепелка на охоте. На перепелках и утках вы, конечно, поднаторели – какой же помещичий сынок без ружья? – да только каинов грех принять – тут другое требуется... Так что ступайте с богом, господин Бежецкий. И поверьте мне, опытному человеку, что женщин в вашей жизни будет еще много. Что же – на каторгу идти из-за каждой?..

– Я вас на дуэль вызову... – уже без всякой надежды сказал Саша: его идея прийти к барону и под стволом пистолета заставить его отказаться от Насти казалась ему сейчас донельзя детской и глупой.

– Вызовете? – развеселился барон. – Попробуйте. Повода-то нет!

– Вы подлец и мерзавец.

– Думаете, что я сейчас оскорблюсь и вызову вас? Еще чего! Знали бы вы, молодой человек, сколько мне в жизни пришлось наслушаться гадостей в свой адрес. Ваш родовой гонор, милейший мой граф, мне чужд: я ведь и бароном-то стал всего ничего, а до поры до времени был простым местечковым парнишкой... Что же из-за этого: грудь подставлять всякий раз под пулю-дуру? Увольте, милостивый государь, увольте. Да хоть бы и пощечину... Э, э! Это я к слову сказал, не примеривайтесь... Все равно мы одни и свидетелей нет. Так что выход у вас один – пойти домой и все серьезно обдумать. Со своей стороны...

Но корнет уже не слушал. Четко, как на плацу, повернувшись, он, высоко подняв голову, ногой распахнул дверь, больно ушибив подслушивающего под дверью лакея (их там набежала целая свора, вероятно, на всякий случай вооруженная всем, что попало под руку, – от каминной кочерги, до половника), прошел мимо и спустился по лестнице. А вслед ему несясь обидный хохот...

* * *

Сашу оторвал от грустных мыслей звонок в дверь.

«Кого это черт принес на ночь глядя? – сердито думал он, идя открывать. – Если кто-то из полка – прогоню... Настроение не то...»

Но за дверью оказались отнюдь не друзья-коллеги...

Настя влетела в комнату подобно вихрю и, как была мокрая от дождя, кинулась на шею любимому, покрывая его лицо поцелуями. Этот этап отношений, вопреки уверенности сослуживцев Александра, давно уже был пройден между молодыми людьми – двадцать первый век на носу, милостивые государи! – поэтому он не повалился в обморок от счастья, лишь почувствовал, как защемило сердце.

– Сашенька, милый! – лепетала девушка. – Я не люблю этого противного Раушенбаха... Я сама только сегодня узнала... Мне папенька рассказал...

«Интересно, – горько подумал юноша, не отвечая на девичьи поцелуи. – А он ВСЕ тебе рассказал? Или что-то оставил на сладкое?...»

– Я не пойду замуж за этого старика!.. Я тебя люблю!.. Саша, не стой так... Прости меня... Давай уедем отсюда! Уедем вместе! В Европу, в Америку, на край света... Нам ведь ничего не нужно, да?..

– Я... – кашлянул Саша. – Я дал слово... твоему отцу...

– Какое слово? Какие еще слова? – отстранилась Настя. Глаза ее лихорадочно блестели, на щеках горели пунцовые пятна, но и такой она была настолько желанна Александру, что он только титаническим усилием воли удержался, чтобы, забыв про все, не впиться губами в ее зовущие губы. – Ты что, сдался? Ты больше не любишь меня?.. Саша, борись за нашу любовь!

– Понимаешь, я...

Но девушка уже вырвалась из его объятий и теперь стояла перед ним, сжав в ниточку губы и раздувая ноздри.

– Я все поняла. Можешь не говорить... Хорошо, тогда я сама!..

Зажмурив глаза изо всех сил, Настя принялась судорожно, ломая ногти, расстегивать ворот платья, готовая на все. Даже на потерю чести. Корнет не мог этого допустить, и он сжал ее руки в своих, притянул к себе.

– Настенька... Не надо. Ничего уже не исправить.

Настя с минуту вглядывалась в его глаза, перебегая взглядом от одного к другому, словно стараясь прочесть что-то, известное лишь ей одной, а потом тихо произнесла:

– Отпусти меня. Отпусти, мне больно.

И взорвалась:

– Отпусти, тряпка! Я ненавижу тебя! Отпусти!

– Настя!

– Не трогай меня!..

Девушка выскользнула из разжавшихся рук Саши и бросилась к дверям. На полпути она остановилась, вернулась и от души влепила юноше хлесткую пощечину. А потом исчезла...

Он стоял перед закрытой дверью, наверное, целый час и остановившимся взглядом смотрел ей вслед...

* * *

Последние дни до помолвки Насти и барона Раушенбаха Саша провалился в постели. Никогда прежде не отлынивавший от дел, он сказался больным. Да он и в самом деле, наверное, был болен – ничего не ел, практически не пил, почти не спал... Осунулся, под глазами

залегли глубокие тени, кожа на лице натянулась, словно у покойника, и пожелтела. Он, наверное, так и умер бы в один прекрасный момент, не отрывая взгляда от ничем не примечательного пятнышка на обоях, если бы выстрел полуденной пушки в означенный день пружиной не выбросил его из кровати.

«Все, – медленной рыбой проплыло в голове сидящего на разобранной постели юноши, теперь походившего на старика. – Настя теперь не моя. И никогда уже не будет моей. Зачем же теперь жить?..»

Его блуждающий взгляд (сильно кружилась голова, и хотелось вновь рухнуть на подушку, чтобы больше не вставать) остановился на столе, в ящике которого покоился «браунинг».

Еще в тот самый первый день обладания им Саша не утерпел и на трамвае, идущем в Пискаревку, отправился за город. Там, за одинаковыми серыми коробками строящегося «спального района», в котловане будущего дома, он и испытал «машинку», расстреляв десяток новеньких, блестящих как елочные игрушки, патронов. Приказчик действительно знал, о чем говорил: спуском пистолет обладал мягким, боем отличным, а никаких признаков «норова» вроде увода пули в сторону, резкой отдачи или сбитого прицела опытный стрелок не обнаружил.

Александр сел в кресло у стола, достал пистолет, провел ладонью по блестящей поверхности – не ледяной, как следовало ожидать, а теплой, словно тельце домашнего... крокодила, к примеру.

«Вот и ошибся ты, – с непонятным злорадством подумал Бежецкий о ничем плохом ему вроде бы не сделавшем приказчике оружейного магазина. – Не видать тебе всей суммы за «браунинг» как своих ушей. Ведь мой-то счет после... *этого* в первую очередь заблокируют».

Даже себе самому он боялся назвать предстоящее действие его именем. Разум страшился предстоящего греха, и только кто-то каверзный, всегда стоящий у нас за левым плечом, подталкивал юношу под руку. Ту самую, что сжимала сейчас кусок металла, начиненный сразу десятью смертями. А ведь человеку достаточно всего одной...

Корнет привычно снял оружие с предохранителя, передернул затвор, дослав патрон в патронник, и, повернув пистолет к себе, заглянул в черный зрачок ствола, бездонный и загадочный, как заброшенный колодец на краю имения, в который когда-то маленький Саша, сбегав от неповоротливой толстухи-няньки, любил заглядывать, обмирая от сладкого ужаса. Темный «колодец» и притягивал, и одновременно страшил. Стоило сейчас чуть шевельнуть пальцем, и...

«А куда стрелять? – внезапно возникло беспокойство, странное, как если бы человека, летящего с огромной высоты с нераскрывшимся парашютом, вдруг взволновала застарелая мозоль на пятке. – В голову? В сердце?.. В сердце – как-то по-женски, несерьезно... А в голову? Куда именно?»

Собственно, варианта было всего три: в висок, под челюсть и – засунув ствол пистолета в рот. Все три верные. Но... Молодой человек, зачем-то поставив пистолет на предохранитель, попробовал затолкать «браунинг» в рот, услышал, как скрипнули зубы по металлу, твердое уперлось в язык, и сразу тошнота подкатила к горлу. Фу! Будто в детстве, когда врач засовывает черенок чайной ложечки в рот, чтобы разглядеть горло. Саша всегда ненавидел эту процедуру, и теперь представить себе, что последние секунды жизни будут так дискомфортны, было противно. Второй способ тоже как-то не нравился. Может быть, потому, что в кино всегда стреляли себе в висок. Значит, оставалось одно...

Увы, стоило прижать обрез ствола к виску, как взгляд упал на укоризненно глядящего на будущего самоубийцу с крошечного иконостаса святого Александра Невского. Остальные лики были, в общем-то, тоже суровы, но укоризна светилась в глазах лишь у святого тезки.

«Помолиться? – подумал он, опять опуская пистолет. – Так ведь все равно – грех...»

Внезапно Бежецкий понял, что его смущает: при выстреле брызги крови и мозга непременно попали бы на иконы, а усугублять свой грех еще и кощунством он не хотел.

Он пересел, прикинул... Теперь кровью залило бы стену с не слишком новыми, но еще хорошими обоями. Зачем вводить хозяев в расходы по ремонту? Они и без того будут расстроены, когда полиция обнаружит в сдаваемой квартире бездыханного офицера с размозженным черепом.

Застрелиться в ванной? Урон обстановке был бы минимален, но как-то претило лезть в ванну в одежде (Саша любил понежиться, даже вздремнуть в теплой водичке и к чистоте ванны относился педантично). Раздеться? Но как комично будет выглядеть покойник с продавленной головой в одном исподнем или совсем без оного.

Идея пришла внезапно: нужно просто прикрыть стену и часть пола старыми газетами. Что-то через них, конечно, просочится, но приличия будут соблюдены.

Сказано – сделано.

Кипы старых, прошлогодних еще газет обнаружились на антресолях в прихожей, и несколько минут спустя юноша споро заклеивал разворотами из «Нивы», «Петербургского вестника», «Смехача» и почему-то «Кёнигсбергише альгемайне Цайтунг»¹³ всю стену, которой предстояло принять очень неаппетитный вид. Увлечшись, он даже принялся насвистывать какой-то бравурный мотивчик и пробегать взглядом заголовки на пожелтевших страницах.

И вдруг его как током ударило:

«Из Афганского королевства сообщают.

Вчера отряд охотников штаб-ротмистра Толоконникова провел вылазку против инсургентов, грозящих перерезать дорогу Кабул – Джелалабад. Потерь с нашей стороны нет. Противник потерял до десятка убитыми...»

* * *

Дмитрий Вельяминов взлетел на четвертый этаж дома, где квартировал корнет Бежецкий, на одном дыхании. Сердце колотилось где-то под горлом, легкие саднило, но поручику было не до того. Мозг сверлила одна мысль: «Успеть! Только успеть!...»

Он возвратился из отпуска сегодня утром. И первый же встреченный в полку, князь Лорд-кипанидзе, огорошил его будто обухом по голове:

– Слышал, Митя, последние новости? Пассия нашего Сашеньки Бежецкого выходит замуж!

– Как? – опешил поручик, не веря своим ушам – слишком памятливы ему были те чувства, что оба молодых человека питали друг к другу. – Это шутка, князь? Если шутка, то уверяю вас – дурного толка!

– Вот еще! – обиделся грузин. – Это святая истинная правда. Вот те крест!

– За кого?

– За барона Раушенбаха. Сегодня помолвка.

– А Бежецкий?

– А что Бежецкий? – беспечно пожал плечами поручик. – Который день уже в полк носа не кажет. Якобы болен. Переживает, наверное... Такой молодой...

Но князь уже не слушал его, устремившись к выходу. За не столь уж долгое знакомство он хорошо узнал характер юного корнета. И ожиданиями того, что столь пылкая натура пассивно воспримет подобный удар, себя не обманывал. Бежецкий мог вызвать соперника на дуэль, убить его, убить себя, но только не лежать в постели, подвергая себя самоуничтожению

¹³ «Кенигсбергская общественная газета» (нем.).

и притворяясь больным. Два молодых человека сблизилась именно потому, что в младшем старший видел себя и считал, что знает все его действия на шаг вперед.

Протянув руку к звонку, Дмитрий вдруг увидел, что дверь прикрыта неплотно. Сердце его рухнуло, и, не совсем понимая, что делает, он, недолго думая, ввалился в чужое, в общем-то, жилище, словно во вражеский блиндаж. Разве что без обнаженного оружия в руке.

В квартире царила тишина, нарушаемая лишь капающей где-то далеко водой, должно быть, из неплотно прикрытого крана. Но Вельяминову сейчас любой звук действовал на нервы. Мимолетно заглянув в пустые кухню и ванную, он пронесся по длинному, как кишка, полутемному коридору, типичному для петербургских «доходных домов», и замер на пороге гостиной, не в силах пересечь незримую черту.

Ему явственно виделся Саша, лежащий с запрокинутой головой в кресле, сразу облюбованном им по вселении, пистолет, валяющийся на полу у безвольной руки, и покрытая багровыми потеками стена позади. Однажды поручику уже приходилось видеть подобное, когда один из его закадычных друзей, весельчак и заводила, не сумел разобраться со свалившимися на него проблемами... Дмитрию даже почудилось, что он чувствует пряный запах крови, мешающийся с острым ароматом сгоревшего пороха в причудливый коктейль. Запах, преследовавший его почти год...

Он пересилил себя и шагнул в комнату, первым делом сконцентрировав взгляд на блестящем никелированном «браунинге», сиротливо лежащем на краю стола. А вот его хозяина, склонившегося над какой-то бумагой, разве что не высунувшего язык от усердия, будто прилежный гимназист, он даже не заметил в первый момент, всецело увлеченный тем фактом, что оружие как будто и не применялось по назначению.

— А-а! Митя! — поднял голову от своего занятия «писатель». — Добрый день. Хорошо, что вы зашли. Скажите, можно так выразиться в официальной бумаге?..

Он, дирижируя авторучкой в воздухе, прочел:

— «В связи с желанием послужить Отечеству в чем-то более реальном, чем служба в столице России».

— Все зависит от того контекста, в котором данная фраза звучит. — Вельяминов расстегнул шинель, бросил на стол фуражку, намеренно накрыв беспокоящий его пистолет, и подошел к другу, вновь склонившемуся над бумагой. — Вполне возможно, что она там — к месту. Давайте почитать!

— Но я еще не закончил! — по-детски протянул корнет, пытаясь удержать листок, неумолимо вытягиваемый у него из пальцев.

— Ничего-ничего, я пойму... Так. Прошу перевести меня, корнета Бежецкого Александра... та-та-та... из гвардии в действующую армию, в связи... Что-о-о?!!

Князь лихорадочно пробежал прошение до конца и уставился на безмятежно улыбающегося молодого человека:

— Вы с ума сошли?..

* * *

Недавно выпавший снежок скрипел под ногами, но Дмитрий даже не пытался идти тише: не хватало еще, чтобы подслеповатый уже князь принял его за кабана и влепил свинцовый «орех» в живот. Поручику самому нередко доводилось участвовать в охоте, и он отлично знал, что охваченный охотничьим азартом любитель зачастую на оранжевый жилет внимания не обращает, а то, что «дичь» двунога, его волнует меньше всего.

Но старый князь ко всему еще, похоже, был уже и глуховат...

— Ты меня совсем перепугал, Митя! — вздрогнул он, когда Вельяминов присел рядом с ним на корточки. — Вот — смотри: до сих пор руки трясутся! — Он продемонстрировал, как

трясутся руки, покрытые старческими пятнами, при этом умудрившись не пролить ни капли из серебряного стаканчика, полного до краев отнюдь не чаем. – Отведаете «Шустовского» со стариком?

– Не откажусь, – не стал жеманиться поручик: ожидание зверя затянулось, а утро выдалось на редкость морозным...

– Что ж ты, пострел, номер покинул? – Князь выпил, крикнул, закусил «чем бог послал» (а послал он ему довольно щедро) и тут же налил по второй. – А ну как зверь сейчас на него выйдет? Похеришь всю охоту, так тебя растак!

– Ничего, дядюшка, – беспечно махнул рукой Дмитрий, чокаясь со стариком и опрокидывая в рот обжигающую жидкость. – Я везучий. Вы же знаете.

На самом деле поручик приходился старому камергеру вовсе не родным племянником, а внучатым, но какие могут быть нюансы между столь близкими родичами?

– Вот именно – везучий, – улыбнулся тонкими губами Вельяминов-старший, наливая еще «по чуть-чуть» – бог троицу любит, – и с сожалением завинтил крышечку фляги. – Как родился сразу с двумя зубами да заголосил басом, так я сразу брату Аристарху – деду твоему покойному – сказал: «Далеко пойдет малец!...»

Семейные хроники о присутствии Платона Сергеевича при его, Мити, рождении умалчивали, равно как и о «зубастости» младенца, но князь согласно покивал головой – мало ли внуков, внучатых племянников и даже правнуков у старика – мог и ошибиться.

– Ну, говори, зачем тебя к старому нелегкая принесла? – остро прищурился старый князь. – Вы, молодежь, без дела-то не ходите к нам, старикам... Больно деловые все стали...

– По делу, – Дмитрий кивнул.

– За кого хлопчешь-то? За себя, знаю, просить не станешь – больно гордый. Весь в Аришашу, земля ему пухом. – Платон Сергеевич размашисто перекрестился. – Не тяни – кабан вот-вот пойдет.

– Друг у меня из гвардии в армию переводится...

– Помочь остаться что ль? Чем твой приятель проштрафился? Небось по девкам шастал...

– Да нет, дядюшка. Он сам, добровольно желает.

– Не понравилось, стало быть, по дворцовым паркетам расшаркиваться... – пробормотал Вельяминов-старший себе под нос. – Что же – хвалю. Достойный, значит, юноша. А то сейчас все, наоборот, норовят в гвардионусы пролезть, минуя очередь и баллотировку в полку. Как зовут друга?

– Саша... Александр Бежецкий.

– Георгия Сергеича сынок?

– Нет, дядюшка, внук. Сын Павла Георгиевича.

– Пашкин? – ахнул старик. – Мать родная! Неужто Пашкин сынок уже служит? Я ж Пашку еще кадетом несмышленным... Петушков ему дарил, бывало, на палочке... Сколько ж это лет прошло?..

Дмитрий не мешал старому князю предаваться воспоминаниям: он был уверен, что добрый и справедливый старик, на своем веку помогший сотням, если не тысячам людей, подчас ему совсем неизвестных, выручит и сейчас. Тем более что просил для друга сейчас поручик вовсе не хлебную должность или «орден по случаю» – дядюшка таких заходов не терпел, а память у него была цепкая.

– И что ж твоему дружку надобно? – оторвался Платон Сергеевич от воспоминаний. – В Питере остаться или, наоборот, куда подальше приспичило?

– Наоборот, дядюшка... – вздохнул Дмитрий, отводя взгляд: ему самому было не по душе решение друга, но из двух зол выбирают меньшее. – Он хочет перевода в действующую армию.

– Повоевать, значит, решил, пороху понюхать... Тоже одобряю, – покивал головой старик, поправив огромный лисий треух, съезжающий на породистый нос. – Узнаю военную косточку... И где ж у нас сейчас воюют? В Капской колонии вроде затишье, в американских владениях – тоже... Что-то не припомню я, Митя.

– В Афганистане, дядя.

– Что-о? Что ж ты, курья твоя голова, для друга просишь? Ты что – не понимаешь, что Афганистан этот, будь он трижды неладен, все равно что Кавказ для пращуров наших? Одно дело в честном бою под пули грудь подставлять, а другое – из-за угла, по-подлому нож в спину получить. Ты газеты-то читаешь, племянник? Пусть не выдумывает дружок твой и едет, куда пошлют. Честные офицеры везде нужны, а я на душу грех такой не возьму. И не проси!

– Все равно добьется он своего, – вздохнул поручик. – А не добьется, так зачахнет. Сопьется с тоски или пулю в лоб пустит...

– Что ж так круто? Неужто... Так ведь и есть, а? Несчастливая любовь!

– Верно, дядюшка...

– А хлопчешь... Сам небось и свел голубков?

– И тут ваша правда...

– И кто ж зазноба его будет? Если не секрет, конечно, – в выцветших стариковских глазах светился неподдельный интерес: все пожилые люди одинаковы – будь то состарившийся у станка мастеровой или носитель шитого золотом мундира¹⁴...

– Не секрет. Настенька Головинна, моя кузина. Да вы, наверное, слышали...

– Как же, как же... – Старик задумался на минуту, но потом резко мотнул головой так, что «малахай» его снова свалился на нос. – Но помочь ничем не могу. В Варшаву, в Москву, в Киев... Да хоть в Ново-Архангельск – с дорогой душой, а в мясорубку эту – уволь.

Вдали забрежали собаки загонщиков, и старик разом насторожился, подхватив с любовно расстеленной под березкой холстинки превосходное ружье – Дима оценил на глаз – великолепной работы штучный охотничий «зауэр». Не чета его простенькой «тулке».

– Все, Дмитрий, недосуг! – замахал на родственника старик. – После охоты да баньки сядем за стол рядом и поговорим толком, куда твоего приятеля определить. Но чтобы про Афганистан мне и заикаться не смел! – погрозил он узловатым пальцем. – Ступай на номер – зверь сейчас пойдет!

Поручик понял, что миссия его позорно провалилась, и побрел, понурившись и держа карабин под мышкой, будто палку, на свой треклятый «номер».

Одному богу было известно, как он умудрился поменяться номерами с полковником артиллерии Расхлебовым, явно подбиравшимся ко всемогущему обер-камергеру не «из любви к искусству» – он и понятия-то, поди, об охоте по зверю не имел – приперся с двустволкой, годной лишь по перепелам, уткам да зайцу: пуля из нее кабану – все равно что пресловутая мюнхгаузеновская вишневая косточка оленю. Но факт оставался фактом: по собственному опыту Дмитрий знал, что если дядя сказал «нет», то слову своему не изменит. Разве что случится что-то из ряда вон выходящее. Земля, к примеру, налетит на Небесную Ось, как вещают суеверные старушки на скамеечках у парадных.

За спиной его сухо треснул выстрел и сразу же – второй. Поручик резко обернулся и, даже не прижав толком приклад к плечу, чуть ли не от живота, ударил по мохнатой ракете, несущейся в облаке снежной пыли на растерявшегося старика. И охнул от боли в вывихнутом плече – отдача-то у четырехлинейной «пушки» была еще та...

¹⁴ *Обер-камергер* – высший придворный чин Российской Империи (2-й класс по «Табели о рангах», соответствующий «полному» генералу, т. е. генералу от инфантерии (кавалерии, артиллерии), или действительному тайному советнику гражданской службы, выше которого по рангу был только канцлер Империи) – носил мундир, сплошь расшитый спереди золотом.

Но и этого, почти неприцельного выстрела оказалось достаточно: не достигшего цели кабана волчком крутануло на месте и опрокинуло в снег. Здоровенный зверюга дернул несколько раз в воздухе тонкими, по сравнению с массивным телом, ногами, копыта судорожно разжались и сжались, словно створки раковин, а длинное щетинистое рыло вытянулось, едва не коснувшись мехового сапога старого князя. С хозяином леса было покончено.

– Вы целы, дядюшка? – кинулся к остолебеневшему Вельяминову поручик, бросив карабин в снег (выбитая из плеча рука болела неимоверно). – Не задело вас?

– Цел я, племянничек, цел, – выдохнул, выходя из ступора, Платон Сергеевич и присел на вывороченное корневище, до этого служившее ему «креслом». Руки его теперь по-настоящему ходили ходуном, монументальный нос побелел, и на нем ясно, будто прорисованные, проступили синеватые склеротические жилки. – А вот ты молодец... В самом деле везунчик... Как это ты умудрился? Я два раза дал – клочья шкуры летят, а он прет, как танк... Будто заговоренный... Третий-то раз я бы и не успел – вон клыки какие! Чисто бивни! – указал трясущимся пальцем старый князь на торчащие из окровавленной пасти длинные и острые как бритва желтые клыки. – Так бы и вспорол от паха до грудины... Ну, думаю, Платоша, отбегал ты по белу свету... Ты это, племянничек... Кровь бы ему надо спустить, а то мясо потом горчить будет. Ножик-то у тебя есть?

Но Дмитрий уже, присев над теплой еще тушей, точным движением острейшего, словно хирургический скальпель, охотничьего ножа полоснул по горлу поверженного зверя, выпуская на волю дымящуюся темную кровь. Действовать левой рукой было неловко, но показать перед стариком свою немощь – невозможно.

– Молодцом, – похвалил старик, уже держа наготове два стаканчика с коньяком. – С полем, Митя! – И добавил минуту спустя: – Так и быть, племянник, – возьму я все-таки грех на душу. И без того там грехов этих – не счесть и не замолить... Да ведь мне за них ответ перед Господом нашим так и так держать. Одним больше – одним меньше... Порадуй друга. Только чего уж там радоваться-то...

Алое пятно кабаньей крови, медленно пропитывающее снег вокруг туши, почти добралось до ног охотников, но не осилило, бледнея и застывая на глазах, какую-то пару вершков...

4

Саша медленно брел по набережной Москвы-реки, с любопытством озирая раскинувшуюся вокруг Первопрестольную. В Москве он, конечно, бывал, но все это было так давно... Теперь же, в свой первый самостоятельный визит во вторую столицу Империи, все ему виделось другим. Может быть, потому, что он был уже не тем восторженным подростком, как раньше?

Против ожиданий, дорога «на войну» оказалась не столь простой, как он ожидал, – мало того, что путь в Афганистан лежал странным зигзагом – через Москву и далекий Ашгабат, – нестыковки начались буквально сразу... Кто бы мог подумать, что транспортно-пассажирские рейсы в Туркестан настолько редки и к тому же зависят от каких-то загадочных «прибытий груза». А он-то, после всех бюрократических проволочек и треволнений прощания с близкими, думал, что все трудности уже позади, собирался к вечеру уже представиться новому командиру...

Но худа без добра не бывает, и образовавшееся до отлета «окно» юный поручик (перевод в армию автоматически повысил его в чине) решил посвятить изучению Москвы. Тем более что спонтанное решение поехать к черту на кулички, сперва принятое по единственной причине – как более разумная и пристойная альтернатива пуле в висок, – по зрелом размышлении обросло иными доводами и резонами.

Нет, Александр по-прежнему был уверен, что вражеская пуля или клинок его не минует, и уже в первом бою, покрыв себя славой, он падет смертью храбрых. А та, для кого и предназначалось все это, узнав о безвременной смерти поручика, смахнет слезу. Но... К примеру, тот же Лермонтов. Да, он тоже погиб, правда, не в бою, а на дуэли, но не в этом дело. Он прославил себя навеки.

Поэтому еще в Санкт-Петербурге, в магазине «Мюр и Мерилиз» была приобретена толстая тетрадь в прочном клеенчатом переплете, которой предстояло стать дневником нового первопроходца. И зародыш этого дневника, призванного обессмертить имя Бежецкого, уже имел место! Целых три страницы красивым убористым почерком! Дальше дело пока не пошло – не будешь же посвящать потомков в бюрократические тонкости перевода из гвардии в армию, заставлять их читать подробности о пересчете жалованья, выправке дорожного литера, пошиве мундира... Это мелко и недостойно Истории. А возвышенного, увы, пока было маловато.

Снежок приятно поскрипывал под подошвами ботинок (дворники здесь, во второй столице, оказались лентями – не чета питерским), неяркое зимнее солнышко играло на куполах Ивана Великого и золотых орлах Кремля. Открывающийся вид просился на открытку. Чем, собственно, и пользовались иностранцы, отличающиеся от москвичей странноватой одежкой и не нашими манерами.

– О, русшиш офицер! – К Саше кинулась пожилая пара в каких-то невообразимых расцветок дутых куртках и смешных панамках на головах – это при русском-то ядреном морозце. – Кенен зи битте... Э-э-э, – в затруднении почесал затылок немец. – Фото... Фото махэн!

Тут уж не нужно было иметь за плечами институт иностранных языков, чтобы уяснить очевидное. Александр улыбнулся радостно закивавшим, будто китайские болванчики, старикам, осторожно вынул из трясущихся рук дамы фотоаппарат с огромным объективом и сделал несколько снимков: немцы на фоне Кремля, немцы на фоне реки, опять Кремль, но в других позах...

– Данке шён! Нохайнмаль фото? На па... мять... – с трудом выговорил турист, указывая на место рядом с супругой, но поручик поспешил откланяться.

Эта встреча с путешественниками не стала для Бежецкого лишь забавной сценкой: ловя в объектив радостные морщинистые физиономии на фоне храма Христа Спасителя, он с рас-

каанием подумал, что так и не собрался до отъезда сходить в церковь, помолиться, исповедаться на всякий случай... А все его несобранность: откладывал на потом, собираясь отдать дань вере в родной церкви Бежецких, расположенной на территории имения, да не получилось – настоятеля, отца Варсонофия, вызвали куда-то по неотложным делам, а задерживаться Саша не мог... Зато ничего не мешало это сделать немедленно.

Перейдя реку по Никольскому мосту, молодой человек поднялся по ступеням, ведущим к храму. Только не в главный, «парадный» зал, а в скромную Георгиевскую церковь, расположенную в основании здания. Несколько лет назад он уже бывал там вместе с отцом и до сих пор помнил низкие, какие-то уютные своды, навевающие мысли о старинных боярских теремах, запах воска и ладана. Почему-то сейчас, перед дальним и опасным путешествием, ему захотелось пообщаться с Господом именно так, приватно, а не чувствуя себя крошечной букашкой...

Бросив серебряный гривенник в церковную кружку, Саша взял тонкую желтую свечку и прошел, стараясь не слишком стучать каблуками, внутрь...

* * *

– Извините, у вас не занято?

Средних лет человек, одетый в темное пальто и котелок, указывал пальцем на пустующее рядом с Сашиним кресло. Народу в зале ожидания аэропорта было немного, и пустых мест – предостаточно, но что же делать, если человеку приспичило сесть именно сюда?

– Не занято. Присаживайтесь, пожалуйста, – вежливо ответил юноша, собираясь снова прикрыть глаза и задремать.

Рейс в очередной раз отложили, видимо, загадочный «груз» так и не прибыл, но время было позднее, и хлебать киселя двадцать верст до Москвы на попутке или такси не только не имело смысла, но и не хотелось физически. По дороге из Санкт-Петербурга Саша так и не сомкнул глаз, взбудораженный грядущим, а теперь молодой здоровый организм брал свое. Да и не любитель был он, если честно, «ночной жизни».

– Куда направляетесь, коли не секрет? – прожурчал с соседнего кресла вкрадчивый голос. – Уж не в Афганское ли королевство, часом?

– А вы откуда знаете? – Сон как рукой сняло: вот еще не хватало, чтобы сосед оказался каким-нибудь шпионом, как в дешевых телевизионных детективах.

– Как же не знать? – дробненько захихикал человек. – Когда отсюда почитай половина туда едет. Гонят вашего брата, молодой человек, на убой ни за грош. Туда – молодых и здоровых, кровь с молоком, а обратно – если и не в ящике железном, то о трех ногах. Если вообще с ногами.

Бежецкий внезапно ощутил болезненный укол в сердце: собираясь пасть геройской смертью в первом же бою, он как-то не подумал, что в сражениях бывают не только невредимые и убитые, но и раненые. И нередко – так тяжело, что потом остаются калеками на всю жизнь. В голову сами собой полезли страшные картинки: безногие нищие, униженно просящие копейку на церковной паперти, одноглазый и обезображенный ужасным шрамом ротмистр Калганов, ведущий в училище тактику, однорукий инвалид Федотыч, служивший привратником в соседнем имении...

– Меня никто не гнал, – с трудом развеял он жуткие видения, роящиеся в наполовину уснувшем мозгу. – Я сам, добровольно еду.

– Зачем же? – ахнул, по-бабьи прикрыв рот ладошкой, незнакомец. – Неужто денег посулили?

– И не из-за денег.

– Тогда наверняка по несчастной любви, – убежденно сказал сосед. – Мол, коли не любит постылая, суну голову под пулю басурманскую – и поминай как звали!

Александр снова подивился прозорливости человечка, а тот уже совал ему в руку тоненькую книжечку в бумажной обложке.

– Почитайте, почитайте, молодой человек! Тут все как есть описано...

Но только пальцы успели прикоснуться к шершавой, плохого качества бумаге, как над ухом кто-то гаркнул фельдфебельским прокуренным басом:

– А ну, пшел отсюда, скнипа барачная!..

Саша вскинулся было оскорбленно, но слова, как оказалось, адресовались вовсе не ему.

А соседа уже не было на месте, бочком-бочком, как-то по-крабьи, так и не стерев с лица криво наклеенную улыбочку, он пробирался к выходу, споткнулся о выставленную в проход ногу в сверкающем – хоть глядись в голенище – сапоге, но удержал равновесие и под хохот, свист и улюлюканье порскнул в автоматические двери.

– Что ж вы это, поручик, со смутьянами разными тут ляссы разводите? – Хрипатый бас принадлежал коренастому драгунскому ротмистру лет сорока на вид, щеголявшему Святым Станиславом в петлице расстегнутого на несвежей сорочке мундира и изрядно притом бывшему подшофе. – Или сами из них будете? Только перекрасились по случаю? А ну – отвечать мне как на духу!

– Да как вы... – задохнулся Саша, судорожно шаря рукой по поясу. – Как вы смеете, ротмистр? Да я вас на дуэль!..

Кровь бросилась ему в лицо, и, вероятно, он выглядел настолько убедительно, что драгун тут же сменил тон:

– Па-а-ардону просим, обознались! Ротмистр Морошевич! – впечатал офицер выбритый до синевы подбородок в ворот сорочки и четко, даром что пьяный, прищелкнул каблуками. – С кем имею честь?

– Кор... поручик Бежецкий, – ответил, встав на ноги: все ж таки хоть и не по форме одет офицер, а старше по чину.

– Недавно, поручик, а? – подмигнул, впрочем, совсем добродушно, ротмистр. – Еще путаемся?

– Месяца не прошло, – честно признался Саша.

– За что произведены? – продолжил допрос драгун, плюхаясь на место сбежавшего «скнипы». – Ничего, если я присяду? А то шампань в местном буфете явно нижегородского разлива... Это я к тому, что по возрасту вы, сударь...

– Из гвардии, – пожал плечами юноша, решив не обижаться понапрасну. – Переводом в армию.

– Да ну? Seriously? И за какие такие грехи? Картишки? Женщины-с?

– Ни то ни другое. Я сам, добровольно написал прошение...

– Так вы герой? Не сердитесь, поручик, просто в наши продажные времена... И куда направляетесь?

Бежецкий пожал плечами и сообщил, после чего ротмистр вскочил на ноги (ну не вскочил – поднялся, пошатываясь) и заключил засмущавшегося молодого человека в крепкие объятия, обдавая сложным ароматом водки, колбасы, французского сыра и чего-то еще. Кроме шампанского почему-то.

– Так чего же вы сидите тут в одиночестве, мой герой! – заорал он на весь зал. – Идемте со мной сейчас же! Тут рядом собралась весьма приличная компания – сплошь наши, ни одного штафирки¹⁵, – я просто обязан выпить с вами, поручик, на брудершafft!

И увлек, приобняв за плечи, поручика за собой, остановившись на миг лишь для того, чтобы швырнуть книжечку «скнипы» в урну, и умудрился, несмотря на подпитие, не промахнуться метров с трех.

¹⁵ «Штафиркой» презрительно называли офицеры гражданских (штатских) лиц.

– Там ей и место, поручик! – убежденно заявил он. – С этими социалистами...

– Так это социалист был? – оглянулся непроизвольно Саша на двери, за которыми сгинул незнакомец: в его семье демонстративно сторонились политики, но при одном упоминании всяких «эсеров» и «эсдеков» дедушка Георгий Сергеевич кривился, словно невзначай раскусил гнилой орех, а отец хмурил брови и играл желваками на щеках.

– Социалист, анархист, либеральный демократ – какая разница? Я бы всю эту разношерстную сволочь зашил в мешок и утопил. А перед тем десяток кошек туда засунул! – расхохотался ротмистр. – Слыхали, была в Китае такая казнь в старину? Кошки воды боятся, дуреют и...

Ротмистр с такими подробностями и тяжеловатым солдатским юмором расписал оное китайское зверство, что впечатлительного юношу едва не замутило. Офицеры уже входили в небольшой ресторанчик, где за столиками коротали время в одиночку и компаниями другие бедолаги, ожидающие задержанных рейсов.

– Прошу любить и жаловать, господа! – подтолкнул Сашу к нескольким офицерам, сдвинувшим вместе три стола, на которых карты и деньги причудливо чередовались с бутылками, закусками, пепельницами, полными окурков, и почему-то лакированным парадным ботинком, тоже набитым до отказа окурками. Тут же, на сдвинутых стульях, дремал хозяин обуви – юный, может быть лишь чуть-чуть старше Александра, мичман, зябко натянувший на голову воротник своего «вороного» мундира. – Поручик Бежецкий, вчерашний лейб-гвардеец, проездом из Петербурга в Кабул.

– Стакан поручику! – прогудел здоровенный, сутулый, похожий на медведя, ради шутки облаченного в мундир, пехотный капитан. – Присаживайтесь, сударь, у нас тут по-простому...

Кто-то любезно подставил Александру стул, без всяких церемоний скинув с него ноги мичмана, слава богу, спавшего разутым (тот даже в такой неудобной позе не проснулся, продолжая похрапывать), кто-то сунул в руки чайный, до краев налитый стакан...

– Виват поручику!

Выпитая залпом водка обожгла горло, и в голове почти сразу зашумело...

* * *

– Молодой человек! – Чья-то рука трясла Сашу за плечо. – Вы не опоздаете на свой рейс?

Он с трудом сфокусировал зрение на зажатых в руке картах, но масть и картинки все равно плясали перед глазами, то скрываясь в облаке каких-то темных звездочек, роящихся в глазах, то становясь четкими, чуть ли не объемными. Червовая дама кокетливо улыбалась ему слева, заставляя пикового короля сердито хмурить брови, значки бубен, крестей, пик и червей играли в чехарду, выстраиваясь в вообще невозможные комбинации вроде двенадцати пикобубен или двадцатки трэф. За столом, кроме него и давешнего ротмистра, оставалось всего двое офицеров, но один из них мирно спал лицом в тарелке с квашеной капустой, колебля дыханием приставший к губе листочек, а второй, не обращая ни на что окружающее внимания, упорно пытался согнать со скатерти изображенную на ней тропическую бабочку. Остальные, включая мичмана в носках (ботинок с окурками оставался на месте), куда-то пропали.

«Зачем я здесь? – мучительно попытался вспомнить Александр, но все попытки вызвали лишь головную боль и приступы тошноты. – Зачем так напился?..»

– Отстаньте, – не глядя, попытался он стряхнуть с плеча чужую руку. – Не ваше дело...

– На ваш самолет объявлена посадка. Пойдемте.

– Зачем? Я никуда не лечу...

– Пр-р-равильно! Пошел вон, штафирка! – подал голос ротмистр, приподнимая все пустые бутылки по очереди и покачивая их в воздухе, тщетно пытаясь найти хоть одну, из которой можно выцедить хотя бы каплю спиртного. – Д-давай лучше выпьем, Саша!..

Чьи-то руки подхватили поручика под мышки и решительнейшим образом дернули вверх, ставя на ноги. Карты были бесцеремонно выдернуты из руки и швырнуты на липкий от пролитого стол.

– Пойдемте. Где ваши вещи?

– П... п... по какому праву?

– По самому полному. – Невидимый доброхот едва не волоком потащил юношу к выходу. У самых дверей Саша вдруг понял, что еще немного и случится конфуз.

– Постойте... – задушенно выдохнул он. – Мне необходимо...

Доброхот вздохнул и увлек страдальца в закуток с ватерклозетами.

– Делайте свои дела, а я отлучусь на минуту, – последовал приказ, но Саша уже не слышал...

Когда желудок был опустошен до дна, Бежецкий наконец обрел способность более-менее связно мыслить. Но лучше бы и не обретал: перед мысленным взором пронеслись карты, собственные руки, щедро отсчитывающие купюры из не слишком уж обширных запасов. Выдернутый из кармана кошелек продемонстрировал сиротливый бумажный рубль и горстку мелочи. Исчезли даже два золотых империаля из потайного кармашка, врученные перед отъездом дедушкой «на крайний случай».

«Что я наделал!.. – ужаснулся поручик. – Я же все свои деньги проиграл!.. А как же... До жалованья ведь еще... Катастрофа!..»

Дверь распахнулась, и на пороге возник толстяк лет пятидесяти, лысоватый и краснолицый.

– А-а-а! Пришли в норму, поручик?

«Кто это?..»

– Вот что значит молодость, – похвалил лысый господин. – Пяти минут не прошло, а он – как огурчик! Держите! – Он сунул в руки Бежецкому комок влажноватых купюр и два империаля. – Спрячьте и впредь оставьте привычку сорить деньгами. До добра это не доводит, юноша.

– Я не возьму... – сделал слабую попытку оттолкнуть деньги Саша. – Ротмистр их у меня выиграл... Это бесчестно... Карточный долг...

– Ротмистр Морошевич – мерзавец и шулер, – жестко ответил незнакомец, глядя прямо в глаза Александру. – За что и был в свое время с позором изгнан из полка. Болтается теперь, как дерьмо в проруби, между Екатеринбург и Москвой и, пользуясь случаем, обирает до нитки мальчишек вроде вас. И, между прочим, деньги отдал сам, безропотно, стоило на это обстоятельство и несколько прочих намекнуть. А за выпитое и съеденное вами я отделил десятку. Этого хватит с избытком. Еще и на чай останется.

– Но остальные...

– Остальные – взрослые опытные люди. Сами знали, с кем садятся за стол. Вам же, поручик, только предстоит влиться в их ряды. И чем скорее вы повзрослеете – тем лучше. Для вас же.

Странное дело, Саше совсем не хотелось спорить...

* * *

– Сожалею, поручик, – полная крашеная блондинка за толстым стеклом была непреклонна. – Но билетов до Кабула нет.

– Как нет? – опешил Александр, проталкивая обратно в окошечко кассы отвергнутый билет. – Мне непременно нужно... Я на службу... Вот, у меня предписание... – лепетал он, судорожно расстегивая «молнии» дорожного несесера в поисках папки, запропастившейся, как назло, неведомо куда.

– Не трудитесь, молодой человек, – снизошла до объяснений кассирша, пожалев, видно, молодого человека. – Рейсы на Кабул отменены распоряжением генерал-губернатора. Две недели как. Вам надо было с военными лететь, прямиком.

– Почему? Как отменены?

– Ну, это не мое дело... Говорят, что пилоты боятся летать из-за опасности быть сбитыми. Помните июньский инцидент? Если желаете, могу выдать билет до Тегерана.

– Да вы что? Это же совсем в другую сторону!

– Ну, или до Лахора.

– Это тоже не то...

– Баку.

– Совсем не подходит.

– Тогда ничем не могу помочь.

Кассирша вынула из стола какие-то свои бумаги и погрузилась в их изучение, демонстрируя всем видом, что Бежецкий ее больше не интересует. Что ему еще оставалось делать?

Поручик почесал в затылке и уныло обежал взглядом зал тесноватого, по столичным меркам, аэровокзала, раскаленного, невзирая на совсем не арктическую температуру снаружи, жарящим на всю мощь отоплением. Исключая нескольких азиатов в неизменных полосатых халатах и огромных лохматых шапках (как они только не преют в такой жаре?), сидящих в своих привычных членовредительских позах на полу перед телевизором, да дремлющего в кресле европейца, он был пуст.

В голове гудело, словно по ней всю ночь колотили молотком, во рту ощущался мерзкий вкус, который никак не получалось удалить ни минеральной водой из буфета, ни любым другим напитком. Помогло бы, конечно, радикальное средство, но Александр твердо знал, что похмеляться поутру – верный признак алкоголизма, а во-вторых... Щуплый, неопределимого в принципе возраста азиат за буфетной стойкой в ответ на скромную просьбу о кружечке пива лишь разразился длинной тирадой на незнакомом языке, показывая то на потолок, то на пол, и бушевал до тех пор, пока поручик, извинившись, не отошел. Видимо, ничего алкогольного здесь не продавали в принципе. Азия-с...

Как и с чьей помощью грузился вчера в самолет, Александр не помнил. Волна эйфории от внезапного возвращения денег, с которыми уже простился, повернула какой-то выключатель в мозгу и гуманно скрыла подробности последующего полета. Воспоминания начинались лишь с объявления диктора о заходе на посадку.

Саша подхватил свой багаж и уселся в паре кресел от дремлющего, странно знакомого соотечественника. А кем иным мог быть плотный лысоватый мужчина в парусиновом пыльнике, белоснежном и мятом настолько, будто его постирали, высушили, но забыли отгладить?

«Черт побери! – подумал Саша, откидываясь на низкую пластиковую спинку и скреживая на груди руки, что выдавало в нем крайнюю степень раздражения. – Неужели придется застрять тут надолго?»

Наземное путешествие совсем не входило в его планы. Более тысячи верст, по горным дорогам грозящих превратиться в полторы, а то и все две... Это же просто с ума сойти! Лавры Семенова-Тянь-Шанского, Пржевальского и прочих славных первопроходцев прошлого не то чтобы не привлекали молодого офицера, но... Долг есть долг, а начинать карьеру с позорного опоздания на несколько дней или даже недель – что может быть хуже?

Но предаться самобичеванию, равно как совершенно фантастическим планам относительно захвата первого попавшегося самолета или строительства монгольфьера из подручных средств, вчерашний корнет не успел.

– Э-а-а-а-о-о-у! – душераздирающе зевнул сосед, потягиваясь всем своим плотным телом до хруста в костях (и в хлипковатом для него кресле тоже). – Который час, поручик? Я посадку не проспал?

– Четырнадцать сорок две, – автоматически бросил взгляд на циферблат наручных часов Саша. – До ташкентского рейса еще три часа, до екатеринбургского – пять. Спите на здоровье.

Расписание он успел изучить досконально, благо светилось на табло, расположенном прямо напротив ряда кресел, и было совсем куцым.

– О-о! Чуть не опоздал, – засуетился толстяк. – Понимаете, ночь на ногах, а в самолетах сплю я очень плохо... – Он вынул из-под кресла огромный мягкий баул, перетянутый ремнями, и клеенчатую сумку. – Вам-то легче – после вчерашнего. Счастливо оставаться.

«Странно... Куда это он? И откуда меня знает?»

– Если не секрет, сударь: на какой рейс вы торопитесь?

– Я? На кабульский, естественно.

– Но... А в кассе мне сказали...

– Это, так сказать, частный рейс, юноша. – Мужчина торопился и нетерпеливо оглядывался на стеклянные двери. – Нужно же людям летать, несмотря на все отмены. Мне вот позарез в Кабул надо – что, я должен ждать здесь у моря погоды или через Тегеран добираться? Нашлись сорвиголовы из числа бывших военных летчиков, организовали перевозки.

– Но мне тоже нужно в Кабул...

– Серьезно? Значит, вчера... Ха, надо будет рассказать кому-нибудь! Тогда идемте со мной, раз нужно. Думаю, что и для вас местечко найдется. Только живее, живее – нас ждать не будут!..

Увы, торопились попутчики зря. На пустынном летном поле даже следов нужного им самолета не было. Только метрах в двухстах плавился в дрожащем над бетонными плитами воздухе силуэт огромного «Пересвета» с эмблемой Российских Императорских ВВС на фюзеляже. Было не слишком жарко – примерно как в середине сентября в средней полосе, и налетающий откуда-то ветерок заставлял сторониться тени, но солнышко припекало от души, так что не верилось, что на дворе декабрь, считанные дни остаются до Рождества, а Петербург и Москву засыпает снегом. Саше в зимней шинели и меховом форменном картузе, да после вчерашнего возлияния, было совсем некомфортно – пот струился по спине и вискам. Он от души завидовал новому знакомому, как видно, хорошо знакомому с местным климатом.

– Это не наш! – махнул рукой толстяк, назвавшийся Иннокентием Порфирьевичем, в сторону «Пересвета». – Кто ж такую махину погонит? Частникам такое не потянуть. Нет, наша птичка поменьше будет. Чего же они запаздывают-то? Да вы расстегнитесь, поручик! Не переживайте, никто тут вас за это не обвинит.

Саша и Иннокентий Порфирьевич пристроились к группке разношерстных пассажиров, толпящихся у края летного поля, будто на остановке трамвая. Тут были четверо военных в разных чинах, обменявшихся с корнетом приветствиями соответственно иерархии (Бежецкий с удовлетворением ответил на приветствие пехотного прапорщика, радуясь, что он тут не самый младший по чину), несколько господ явно купеческого сословия – русаков и азиатов, пара путейцев, молодой священник в походной рясе, лучезарно улыбнувшийся юному корнету, и даже две дамы – молоденькая, лет двадцати на вид, и дородная матрона бальзаковского возраста. К удивлению Александра, его попутчика тут хорошо знали, поскольку кое с кем он обменялся рукопожатием, старшей даме облобызал ручку, зардевшуюся младшую потрепал по щечке, а со священником перекинулся несколькими фразами вполголоса.

– Не переживайте, господа! – громогласно заявил артиллерийский капитан с перекинутой через руку шинелью (Саша уже последовал его примеру и чуть-чуть облегчил самочувствие, хотя до нормы было далековато). – Аренда аэродрома стоит немалых денег, поэтому время пребывания на земле наши героические соколы сокращают до минимума. Не волнуйтесь – придут в лучшем виде. Авиация, тем более военная, нас никогда не подводила, поверьте мне на слово!

– Но они же опаздывают! – возмущался один из инженеров.

– Не опаздывают, а задерживаются, – назидательно поднял кургузый палец артиллерист. – У вас что: на руках билет с точным временем отправления?

– Нет, но нас известили о времени...

– Раз нет билета, то не волнуйтесь...

Вполуха прислушиваясь к разговору, Саша обратился к новому знакомцу, только что закончившему беседу с особой духовного сана:

– У меня на руках литер...

– Э-э, нет, батенька, – улыбнулся толстяк. – Тут эта бумажка не подойдет. Насколько я знаю – оплата только наличными. До Кабула – «катенька».

– Прилично... – присвистнул Бежецкий, прикидывая свои финансовые возможности.

– А что вы хотели? Форс-мажор! – щегольнул иностранным словечком Иннокентий Порфирьевич. – И тарифы, естественно, повыше, чем у регулярных авиакомпаний. Вы случайно не стеснены в средствах? Вчера я ваши финансы не пересчитывал... Если что – могу ссудить.

«Что, черт подери, за оговорки?..»

– Что вы, что вы! – вслух заверил он. – Ста рублями я располагаю.

– Тем более. А литер сдадите в Кабуле. В полевое казначейство. И получите на руки денежки. Рублей сорок, если не ошибаюсь.

– Да, сорок два. С мелочью.

– А вот мелочью не бросайтесь. Особенно серебром. Афганистан, скажу я вам, не Россия-матушка. Кое-что там, конечно, подороже, чем у нас, но, ручаюсь, вы будете приятно удивлены дешевизной, царящей на тамошних рынках. И вообще... А звонкую монету принимают там исключительно тепло – даже выше обменного курса. Ну, да сами увидите...

– Летит!.. Летит!..

Прервав речь на полуслове, Иннокентий Порфирьевич завертел головой, надеясь высмотреть приближающийся самолет. Но Александр увидел его раньше...

– Разве ЭТО летает?!

* * *

Оказалось, что допотопная «Комета» все-таки летает, да еще как. Если верить объявлению пилота по радио, полет проходил на высоте восьми тысяч метров, да еще с приличной для такой развалюхи скоростью – семьсот с чем-то километров в час. Да и внутри салона было довольно уютно. Не как на самолетах российских авиакомпаний, но и не так, как ожидалось, судя по непритязательному внешнему виду «летающего дедушки». Единственное, что смущало Бежецкого, так это надписи по-английски везде, где можно. Но что взять с «лайнера», несущего на фюзеляже гордое имя «Афган Эйр»? Ладно хоть экипаж оказался русским...

Иннокентий Порфирьевич был прав: пилотами, да и «стюардессами» на борту «Кометы» были сплошь мужики за сорок, абсолютно славянской внешности. Причем некто, собиравший с пассажиров таксу за пролет, щеголял в стираном-перестираном комбинезоне с погонами ротмистра Российских Императорских ВВС и с таким «иконостасом» наградных колодок на груди, что ступающему на военную стезю молодому человеку оставалось лишь позавидовать бывалому вояке. На языке у Саши так и вертелся вопрос: почему такой заслуженный офицер избрал малопочтенную профессию туземного воздушного извозчика, но он счел разумным оставить любопытство при себе. Видимо, причина была веской, если кавалер ордена Святого Владимира с мечами второй степени променял штурвал российского истребителя на древний английский рыдван.

– Вы никогда не видели потенциального противника, так сказать, воочию, поручик? – неожиданный вопрос нового знакомца вывел Бежецкого из невеселых дум.

– Противника?.. Н-нет... А к чему этот вопрос, сударь?

– Только не хватайтесь за перчатку, молодой человек. Во-первых, мой вопрос продиктован совсем не желанием вас оскорбить, а во-вторых... Ну, какой из меня дуэлянт, Саша?

– Но...

– Просто поглядите в окно... пардон, в иллюминатор, и вы его, супостата, увидите. Во всей, если можно так выразиться, красе.

«Что за ерунда? – недоверчиво подумал поручик, отодвигая на квадратном иллюминаторе исцарапанную полупрозрачную темно-зеленую шторку: солнечный свет, отражающийся от крыла «Кометы», бил в глаза так, что больно было смотреть. – Откуда здесь противник? Это такая шутка?..»

Но в нескольких сотнях метров от «лайнера» он действительно разглядел в яркой заоблачной синеве крошечный самолетик весьма хищных очертаний и довольно необычной для небесных созданий окраски: желто-бурой, испещренной, словно шкура тигра, темными неровными полосами.

– Ага! – удовлетворенно заметил сосед, заглядывая в иллюминатор через плечо изумленного юноши. – Небесный тигр. Истребитель Королевских Военно-Воздушных Сил «Старфайтер» во всей красе.

– Что он здесь делает? – обрел наконец дар речи Александр. – Это же...

– Увы, молодой человек, – это уже не Российская Империя. Под нами уже несколько минут как Королевство Афганистан. А согласно Сайгонскому договору семьдесят седьмого года, патрулировать воздушное пространство этой державы имеют право все страны-гаранты. В равной мере Соединенного Королевства, Российской Империи и Персии – куда ее, старушку, девать.

Саша со стыдом припомнил, что только что сообщенные данные он заучивал не так давно в Корпусе, на занятиях по геополитике, но, как и многое другое, они совершенно выветрились у него из головы после сдачи экзамена. А ведь, помнится, он бойко отгарабанил преподавателю и точную дату подписания документа, и фамилии государственных деятелей, при этом присутствующих, и основные статьи... Увы, новейшая история никогда его не привлекала, и он гораздо больше помнил о Кучук-Кайнарджийском или Рисвикском мире¹⁶, чем о событиях прошлого десятилетия...

– Ладно хоть сушу афганскую князю Долгорукому удалось отстоять, – продолжал Иннокентий Порфирьевич. – Вот тут не сплеховал Сергей Данилович, не сплеховал. Даром, что ли, в гвардейской пехоте служил в молодости наш новый Горчаков?¹⁷ Оставил британцев с носом! Только мы да персы теперь там, внизу. Ну, и афганцы, конечно. А представьте на миг, что пришлось бы не с азиатами договариваться о каждом патрулировании, а с англичанами? То-то...

– Вообще вся эта затея, милостивые государи, – вклинился в разговор гражданский лет сорока пяти на вид, сидевший позади новых знакомцев, – очередное «державю», господа! К чему нам, и без того с трудом выкраивающим силы и средства для освоения дальних уголков гигантской империи, еще один клочок бесплодных гор посреди Азии? Только потому, что сия земля плохо лежала и нам приспичило в очередной раз дернуть за усы Британского льва?

¹⁶ *Кучук-Кайнарджийский мир* завершил русско-турецкую войну 1768–1774 годов, *Рисвикский* – войну Аугсбургской лиги (1688–1697).

¹⁷ *Александр Михайлович Горчаков* (1798–1883) – известный русский дипломат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.